

«Лисёнок в Зефирной Бесконечности»

Аннотация:

Это сказка о Лисёнке, который однажды попал в Зефирную Бесконечность — мир, где всё соткано из тепла, мягких шариков и тихих объятий. Там он встретил Зефирчика, нашёл забытого динозаврика и, самое главное, себя.

«Лисёнок в Зефирной Бесконечности» — это тёплая история для тех, кто когда-то чувствовал себя одиноким, потерянным или слишком хрупким для этого мира. Она о том, что внутри каждого из нас живёт место, где можно быть собой.

Эта книга — как тёплый плед и кружка медового чая в тишине. Как шарик с доброй мордашкой, подаренный в самый трудный вечер. Как напоминание о том, что даже внутри боли может жить свет.

Потому что Зефирная Бесконечность — это не остров. Это то, что рождается, когда кто-то держит тебя за лапку и не отпускает.

Глава 1. У края города

Там, где дома уже редеют, где фонари уже не светят, а просто стоят, как забытые маяки, и ветер шепчет едва слышно, будто боится разбудить кого-то, у самого края города жил Лисёнок.

Он был не самый маленький и не самый взрослый, не совсем ребёнок, но и не совсем большой, как будто застрял между мирами. Лисёнок был добрый и чуткий, с тёплой шёрсткой и грустной, немного удивлённой улыбкой. В его глазах прятались целые миры: невысказанные истории, звёздные ветры, игрушечные города и надежды, которые он хранил даже тогда, когда никто их не замечал.

Он чувствовал больше, чем говорил. Он молчал не потому, что не знал слов. Просто знал слишком много чувств. Иногда даже простое «привет» давалось ему тяжело, потому что за ним стояла целая буря мыслей: а вдруг он покажется навязчивым? А вдруг никто не ответит? А вдруг...

Он не был самым ловким среди лисят, не был самым смешным, самым весёлым. Иногда, играя на поляне, лисята звали друг друга по именам, громко смеялись, бегали, прятались в кустах, устраивали гонки и придумывали невероятные правила, которые быстро меняли. А Лисёнок просто сидел в стороне, наблюдал, слегка улыбаясь. Он не

завидовал, он искренне радовался, что у них всё хорошо. Просто иногда он чувствовал себя чужим в этом вихре веселья. Не потому, что его не звали — звали, но не всегда и не с тем теплом, которое хотелось бы чувствовать.

У него всё же были друзья. Порой, в хорошие дни, они вместе строили домики из листьев или смотрели на облака, придумывая, на что они похожи. Один лисёнок как-то сказал, что Лисёнок странный, что он «будто взрослый, но маленький». А другой тихо добавил: «Он просто глубокий». Эти слова Лисёнок запомнил. Потому что впервые кто-то попытался понять, а не просто оценить.

Он любил смотреть, как летают бабочки. Как гусеницы стараются изо всех сил переползти через лежащую тонкую веточку. Как светлячки поднимаются вверх по травинке, будто у них есть важные, почти невидимые дела. Он умел быть с миром наедине и мир отвечал ему взаимностью.

Порой, сидя на веранде своего домика, он закрывал глаза и слушал, как по крыше стучит дождь. Или как ветер гладит листья деревьев. Или как по далёким рельсам проезжает поезд, оставляя за собой дрожащий гул и предчувствие странствий. Он знал, что где-то там, за лесом, за городом, за облаками есть что-то важное. Но пока это важное жило внутри него: в воображении, в сердце, в мечтах, которым он пока не знал названия.

Он не был несчастным. Просто был один. Не всегда, не полностью, но часто. В те моменты, когда внутри становилось особенно пусто, он прятался в свои миры. И если бы кто-то смог заглянуть в его сердце, то увидел бы там не тьму, а мягкий, тёплый свет, немного пыльный от воспоминаний, но очень живой. Потому что Лисёнок умел любить, даже если не знал, кому это показать.

Лисёнок жил в маленьком домике на самом краю леса, там, где деревья уже не стояли стеной, а рассыпались, будто листья на ветру, оставляя за собой широкие просветы, за которыми начиналась высокая, шелестящая трава. По ночам она тихо пела свои сверчковые песенки, а днём хранила следы от лапок, оставленных прохожими зверятами и птицами. Цветы там были самые простые, с тонкими лепестками, иногда чуть помятые ветром, но упрямые, стойкие. Они не стремились быть красивыми, они просто были. И этого было достаточно.

Домик Лисёнка был тёплым и немного скрипучим. Иногда половицы вздыхали под лапками, а ставни трепетали даже от лёгкого дуновения ветерка. Но именно это делало его

по-настоящему живым. Там всегда пахло травами и чем-то сладким: то ли печеньем, то ли яблочным компотом.

Комната Лисёнка была небольшой, но совершенно особенной. Это было его укрытие, его мир.

С Лисёнком жила мама. Она была пушистая, нарядная, с уставшими глазами. Иногда она гладила его по голове, говорила, что любит, и что всё будет хорошо. Готовила завтрак, спрашивала, почистил ли он зубы и напоминала надеть шарфик. Она старалась по-своему. Но её доброта была как слабый свет фонаря за туманным стеклом: вроде светит, но не греет. Она много думала о чём-то своём, говорила по телефону, смотрела в окно. И часто, когда Лисёнок хотел что-то показать: новую постройку из кубиков, неловко нарисованную картинку или особенно ловко припаркованную машинку, она говорила: «Сейчас, попозже, хорошо?» И это «попозже» часто не наступало.

Лисёнок не сердился. Он просто научился играть один.

У него была комната. Своя, небольшая, уютная, с пледом, подушками и игрушками. В углу стояла кроватка с мягким пледом, пушистыми подушками и любимой игрушкой — стареньким мягким драконом с чуть потёртым ухом. На подоконнике лежала книга, которую он перечитывал много раз — сказка о далёком острове, полном чудес.

А главное — у Лисёнка был свой игрушечный город. Он строил его вечерами из кубиков, коробочек, крышечек, палочек и бусинок. В этом городе были улочки с вывесками, крошечные магазинчики, мосты и даже крохотная строительная площадка, где работали пластмассовые машинки. Под потолком висел большой дирижабль из старой упаковочной коробки, а рядом был привязанный к нитке воздушный шарик, который, как верил Лисёнок, вот-вот увезёт пассажиров на встречу приключениям.

Каждый вечер перед сном Лисёнок ложился, укрывался пледом и начинал своё путешествие. В его воображении игрушки оживали. Подъёмный кран тянулся вверх, осторожно перекладывая брусочки и палочки с одной полки на другую. Грузовики неспешно ездил по ковру, оставляя за собой светящиеся дорожки, а в крошечном кинотеатре начинался показ мультфильмов для любимых жителей города.

Комната превращалась в страну грёз. Там не было резких звуков, никто не торопился, никто не спорил. Даже молотки на строительной площадке стучали мягко, ритмично, почти убаюкивающе. В этом мире всё было понятно и находилось на своих

местах. Это была не просто фантазия — это был его способ дышать, быть собой, переживать день.

Иногда ночью он просыпался, смотрел в темноту и на мгновение верил, что уловил чьё-то движение, как будто игрушки замерли, не желая быть пойманными на месте. Тогда он лежал тихо, почти не дыша, с лёгкой улыбкой. Потому что в этом была своя, особенная магия. Мир, который он создавал каждую ночь, был не просто сказкой, он был частью Лисёнка. Его тайной страной, сотканной из нежности, одиночества и детской, очень храброй мечты.

А однажды вечером он вышел из дома просто так, без цели.

Иногда в груди появлялось странное чувство, будто внутри всё скукоживалось, как листик в холодную погоду. Тогда Лисёнок надевал свой шарфик, поправлял воротник и уходил туда, где заканчивалась улица, где асфальт постепенно растворялся в высокой, шелестящей траве, а редкие фонари уже не светили, а просто стояли как старые, забытые гиганты, охранявшие границу между городом и ничем.

Здесь не было ни заборов, ни вывесок, ни чётких границ. Лишь ветер. Он тихо гулял между травинок, шевеля пушистые соцветия и, кажется, знал Лисёнка по имени. Пахло чем-то сладким и тёплым — чуть карамельным, чуть цветочным, совсем как в детстве, когда мама пела ему по вечерам.

Лисёнок шёл медленно, слушая тишину, вглядываясь в темнеющее небо. Над головой плыли серые облака и звёзды выглядели усталыми. Они будто выцвели от времени, потеряли блеск, но всё равно были рядом, просто по-своему.

И вдруг он увидел светлячка. Маленький, почти прозрачный огонёк вспыхнул рядом с его лапками и сразу взмыл вверх, заплясал в воздухе, как будто спешил на встречу. Он не ждал, не оборачивался, лишь просто летел, оставляя за собой нежный след. Лисёнок засмотрелся и пошёл за ним.

Сначала медленно, осторожно, словно боясь спугнуть. Потом быстрее, увереннее. Светлячок петлял между травинок, поднимался выше, снова нырял вниз. А Лисёнок смеялся, не вслух, а где-то внутри. Это была его собственная игра — не поймать, не схватить, а просто следовать, быть рядом.

Он шёл за ним и вдруг остановился, потому что вдалеке, за холмиком, что отделял луг от старой просёлочной дороги, появился ещё один свет. Совсем другой.

Он не мерцал, не танцевал, как светлячок. Он был мягким, тёплым, будто капля жидкого мёда упала с неба и зависла в воздухе. Невыносимо красивый, зовуще-уютный, он будто дышал.

Лисёнок застыл. Всё в нём замерло, даже хвост. Он чувствовал, как в груди что-то дрогнуло. Как будто кто-то невидимый, но знакомый позвал его. Без слов. Просто знал, что он услышит.

И он побежал.

Сначала осторожно, словно всё ещё не веря, потом быстрее, всё быстрее. Он не думал, не анализировал, не боялся.

Он просто бежал к этому свету, к теплу, к ощущению, что вот оно, что, может быть, где-то там его ждут. Где-то там не надо объяснять, доказывать, прятаться. Где-то там просто примут.

Трава скользила под лапами, ветер завивался в шерсти, всё вокруг теряло форму, превращалось в движение, в зов, в стремление.

Он не видел, как тьма отступает. Не слышал резких звуков, хотя что-то было где-то сбоку, где-то за спиной, какой-то крик, будто чей-то голос, далёкий и неясный.

Но он уже не чувствовал страха — только лёгкость, и внутри тихий, едва слышный шёпот: «Вот. Это оно. Беги».

Он не знал, что это был за свет. Он просто бежал. За теплом, за мягкой надеждой, за ощущением, что его где-то ждут, что там, в этой капле медового сияния, есть что-то важное. Что-то, чего он не знал, но чувствовал всем своим пушистым сердцем.

Мир вдруг стал меняться: воздух дрожал, трава казалась мягкой волной, не сопротивляющейся бегу, Луна запуталась в облаках и исчезла. Всё вокруг становилось неуловимо другим, будто он начал входить в другую страну, где было чуть светлее, чуть тише, чуть добрее.

Свет впереди становился всё ярче. Он разгорался, наполняя собой всё вокруг — не вспышкой, не жаром, а каким-то особенным сиянием, которое как будто росло изнутри. Словно его кто-то звал и с каждой секундой приближался навстречу, всё сильнее, всё ближе. Свет стал заполнять всё вокруг и лепить Лисёнка.

Он не слышал ни шума, ни голоса, ни предупреждения. Лишь ветер в ушах. Лишь лёгкий трепет в груди. Ему казалось, будто время замерло. Что вот сейчас ещё один шаг и он коснётся света. Коснётся самого нежного прикосновения в мире.

Но прикосновение оказалось другим.

В один короткий миг что-то невидимое, огромное и безликое с силой хлынуло в этот хрупкий миг. Мир под его лапами качнулся. Пространство сжалось в один толчок, не грубый, не злой, а просто сильный и неожиданный. Как если бы кто-то слишком резко попытался его обнять.

Он не понял, не испугался, не закричал. Он просто отлетел в сторону, в траву, где было темно, шершаво и пахло полынью. И всё стихло.

Свет исчез. Шум исчез. Даже ветер затаился.

Лисёнок лежал, обнимаемый тишиной. Глаза были открыты, но в них уже не отражались ни небо, ни звёзды — только белая, молочная пустота. Он чувствовал, как всё вокруг уходит не болью, а будто во сне. Будто кто-то ласково накрыл его прозрачным одеялом.

И в этой тишине он услышал, но не ушами, а всем собой, самый нежный голос, какой только можно вообразить:

— Я здесь. Я рядом. Тихо-тихо, ты не один.

Он не знал, кто это сказал. Может, это был свет. Может, это была его собственная душа. Но в этот момент он почувствовал: его «поймали».

Лисёнка поймали в самые бережные, мягкие, тёплые объятия на свете и уже не отпустили.

Глава 2. Зефирная Бесконечность

Сначала была тишина. Не обычная, как в поздний вечер дома, не та, в которой слышен скрип стен и дыхание за окном, а другая — глубокая, мягкая, как будто сама ночь обнимала его пушистой лапкой и говорила: «Тише, всё уже позади».

Он не сразу понял, где находится. Лисёнок словно плавал в этом тепле, не чувствуя ни тела, ни земли под собой. Просто покоился, как семечко в мягкой земле, как мысль,

которая ещё не нашла слова. Только спустя какое-то время, может быть, мгновение, а может, целую вечность он медленно открыл глаза.

Первое, что он увидел — это свет. Нежный, тёплый, без источника. Он не падал сверху, не слепил. Просто был как часть воздуха, как дыхание. Затем он почувствовал под собой нечто упругое и ласковое, будто лежал на огромной зефирной подушке, созданной специально для него. Она чуть пружинила при движении, словно приветствуя: «Ты здесь. Всё хорошо».

Лисёнок медленно пошевелил лапками. Ничего не болело. Ни тело, ни сердце. Внутри было по-новому спокойно, как будто кто-то достал всю боль и сложил её в коробочку с надписью «больше не нужно».

Он поднял голову и увидел небо. Но это было непривычное ночное небо. Оно выглядело так, будто кто-то взбил сливки с ванилью, добавил в них тёплого розового света, брызнул каплю карамели и черничного варенья, небрежно, просто для красоты. По этому небу плавно двигались облака, но и они были странными: не пушистыми, не серыми, а скорее похожими на огромные мыльные пузыри, круглые, переливающиеся всеми цветами мечты. Внутри некоторых можно было разглядеть цветы, маленькие деревья, огоньки, звёзды и даже целые крошечные города.

Лисёнок глубоко вдохнул. Воздух был сладковатым, но не навязчиво, а как любимое воспоминание из детства: запах свежей выпечки, варенья, молока с мёдом. И ещё чего-то неуловимого — того, что нельзя объяснить, но от чего внутри стало тепло и спокойно. Будто кто-то очень добрый приложил ладонь к его сердцу и тихо сказал: «Ты в безопасности».

Он приподнялся, осмотрелся. Поверхность вокруг была мягкой, чуть пружинила под лапками, будто укачивала при каждом шаге. А иногда из пушистых облаков поднимался пузырёк прозрачный, весёлый, и тут же лопался с еле слышным, будто утробным, но ласковым «хлоп» оставляя после себя маленький тёплый шлейф, который на мгновение касался носа или лапки.

Вокруг не было ни солнца, ни теней, ни резких углов. Только свет, который не требовал объяснений. Свет, похожий на добрую улыбку, которую можно почувствовать, даже если никто её не видит.

Лисёнок лежал, прислушиваясь к себе. Ни страха. Ни стыда. Ни тревоги. Просто ощущение, будто он оказался в мире, где не нужно оправдываться за то, что ты есть. Где

никто не спрашивает: «Почему ты такой?» Где быть собой — это не подвиг, а просто естественно.

Лисёнок встал. Сначала неуверенно, будто проверяя, выдержит ли мир под лапками. Он огляделся, всё ещё не понимая, где оказался. Но в груди не было страха. Ни напряжения, ни тревоги, только странное, почти забытое чувство покоя, как когда просыпаешься не по будильнику, а потому что выспался. Он сделал шаг. Потом ещё один. И с каждым шагом убеждался: здесь можно быть. Просто быть.

Это было место, где никто не смотрел оценивающе, не спрашивал почему ты такой, не требовал быть весёлым, ловким, правильным. Это было место, где не нужно было оправдываться за свою нежность. Где можно было идти медленно, дышать глубоко и не чувствовать, что делаешь что-то не так.

Перед ним простирались холмы. Невысокие, округлые, будто кто-то взбил их из сладких сливок и аккуратно выложил один за другим, создавая нежный пейзаж из крема. Некоторые из них были с углублениями — мягкими, тёплыми, похожими на уютные гнёзда. Внутри них мерцали светлячки и перекачивались маленькие воздушные шарики, словно отдыхали перед дальней дорогой.

А между холмами струились реки. Но и они были особенными: не из воды, не из молока, а из пузырей: прозрачных, мягких, переливающихся. Они катились неспешно, все в одну сторону, будто весь этот мир знал своё течение и стремился туда, где хорошо. Где уют. Где нежность. Где центр чего-то доброго.

Иногда высоко над горизонтом среди облаков медленно проплывали гелиевые шары. Большие, почти невесомые, с лёгкой радужной плёнкой. На каждом из них было написано одно слово: «Покой», «Сейчас», «Внутри».

Лисёнок задрал голову, зачарованный этим зрелищем. Он не знал, откуда берутся эти шары. Не знал, кто их выпускает. Но чувствовал, что это не просто буквы. Это не вывески, не команды. Это чувства. Настоящие. Глубокие. Такие, которые редко можно выразить словами. Но здесь... они летали в небе. Их можно было увидеть. Ощутить. Почти потрогать.

Один шарик спустился чуть ниже, совсем близко. Он медленно пролетел мимо, оставив за собой невидимый, но осязаемый след, словно кто-то прошёл рядом и молча

обнял. И Лисёнок понял: этот мир разговаривает с ним. Без слов, без громких жестов. Просто присутствием. И ему не нужно ничего делать, чтобы заслужить его тепло.

Он шёл. Шёл медленно, будто каждая его лапка вспоминала, как это — идти не в спешке, не в тревоге, не убегая, а просто быть в движении. И с каждым шагом его тело становилось чуть легче. Не вдруг, не сразу, а как бывает, когда кто-то ласково снимает с тебя тяжёлую одежду после долгого пути. Сначала усталость. Потом напряжение. Потом... что-то более глубокое: страх быть не тем, вина за свои чувства, стыд за то, что был ранимым.

Он не знал, куда идёт. Но знал точно: каждый шаг вперёд — это как будто шаг назад... к себе. И вдруг он остановился. Замер. Посмотрел вверх. Небо над ним было всё тем же молочно-ванильным со всполохами карамельного света. Но именно в этот момент он осознал: «Я не сплю. Это не сон. Это... правда.» Только не та, что требует доказательств. А та, которую просто чувствуешь.

В груди было так спокойно, будто сердце нашло ритм, которого всегда искало. Здесь ему не нужно было становиться кем-то. Не нужно было стараться быть сильнее, взрослее, удобнее. Он просто был. Маленький. Настоящий. Достаточный.

Он пошёл дальше, осторожно, с такой же внимательностью, с какой рассматривают бабочку, чтобы не повредить ей крылья. Шарики под лапками чуть покачивались и мягко поднимались обратно, пружинили, будто оживали. Казалось, этот мир под ним живой. Не просто ландшафт, а существо. Доброе. Нежное. Понимающее. Он слышал, как оно выдыхает вместе с ним. Как будто говорит: «Я здесь.»

И вдруг один из шаров — особенно большой, перламутрово-жемчужный, с лёгким сиреневым отливом, медленно подплыл к нему. Он не упал с неба, не выкатился из облаков. Он словно приблизился по своей воле. Плавно, медленно, как будто сказал: «Присядь. Посмотри».

Лисёнок остановился, осторожно подошёл. Коснулся его лапкой и почувствовал, что шарик тёплый. Не от солнца, не от воздуха. А как от заботливых ладоней, в которых долго держали, прежде чем отпустить. Он сел. Очень осторожно. Шарик чуть прогнулся под его весом, тихо скрипнул — не от боли, а как будто засмеялся в ответ. И начал мягко покачиваться, будто укачивал его.

Лисёнок прикрыл глаза. Наконец он не чувствовал, что должен куда-то спешить. Или что упускает что-то важное. Наоборот. Казалось, самое важное уже здесь. Под ним, над ним, внутри него. Просто быть. Просто дышать. Просто чувствовать.

Отсюда, с высоты большого перламутрового шарика, открывался новый, ещё более волшебный вид. На другой стороне холма в медленно танцующем марше плавали островки. Они были сделаны из пушистых, как пастила, шаров: розовых, лимонных, кремново-голубых. Некоторые были такие мягкие, что казались не островами, а шапками взбитых сливок. Другие переливались, как мармеладки, подсвеченные изнутри добрым светом.

Между островками летали воздушные шары самых разных форм: круги, сердечки, звёздочки и даже цветы. Они не просто плыли в воздухе. Они, казалось, чувствуют, кого облететь с осторожностью, кому подмигнуть, кого приободрить своим весёлым шуршанием лент. А вдалеке высоко-высоко над всем этим сладким пейзажем висели гирлянды из светлячков. Они не мигали, не спешили, просто медленно перелетали с одного места на другое, как мысли, которым не нужно объяснять, зачем они пришли. Их свет был не ярким, но тёплым, похожим на чувство: «Я здесь. Всё хорошо.»

Иногда из облаков выплывали шары: большие, прозрачные, с таинственным внутренним свечением. И в каждом было что-то своё. В одном был лимонный куст, обвитый мятой. В другом — старенькие качели, на которых ветер сам раскачивал невидимого пассажира. А в третьем Лисёнок увидел себя. Не такого, каким был сейчас. А того самого маленького, растерянного, с блестящими глазами и сжатыми лапками в тот самый момент, когда впервые тихо вслух сказал себе: «Я хороший маленький Лисёнок»

Он не испугался. Он не стал отворачиваться. Он просто посмотрел на себя с любовью. С нежностью. С уважением. И улыбнулся.

Шарик под ним чуть подпрыгнул, словно обрадовался за него. И в этот миг по небу прошёл едва заметный ветер. Он был тёплый, как выдох того, кто любит. Как дыхание нежности. Как прикосновение заботы.

Лисёнок глубоко вдохнул. И впервые за долгое-долгое время ему не захотелось ни убежать, ни прятаться, ни быть лучше. Просто... остаться здесь. Просто... быть. Просто... дышать.

Глава 3. Встреча с Зефирчиком

Шарик, на котором сидел Лисёнок, чуть покачивался, будто слушал его дыхание. Мир вокруг был спокоен и ничего не требовал, не торопил, не мешал. Он просто был и этого было достаточно. Как будто всё это время ждал появления Лисёнка.

И вдруг Лисёнок почувствовал, что кто-то рядом. Не шаги. Не звук. Не запах. А просто присутствие. Тёплое, лёгкое, как лучик солнца на лапке. Он обернулся.

Неподалёку из мягкой дымки появился Он. Невысокий, пушистый, чуть светящийся. Это был похожий на самого Лисёнка такой же лисёнок, только немного светлее. Шёрстка у него была белая, как сахарная пудра, а грудка розовая, будто кто-то раскрасил её вареньем. На кончике хвоста тоже было розовое пятнышко, как от клубничного поцелуя. Глаза добрые. Тёплые. И в них всегда было немного больше, чем он говорил вслух.

Он не шёл, он словно плыл, медленно, уверенно, будто точно знал, куда. И Лисёнок сразу понял: это не просто кто-то. Это свой, близкий и тёплый. Такой, который не спросит: «Кто ты?» потому что и так знает. Лисёнок вдруг заметил, что в этом взгляде нет ожидания. Лишь тишина, принятие и что-то ещё. Что-то, что делает грудь светлой и свободной. Он впервые почувствовал: на него смотрят не как на чужого. А как на родного.

— Ты... настоящий? — тихо спросил Лисёнок.

— Конечно, — улыбнулся незнакомец. — А ты?

Лисёнок задумался. Пожал плечами.

— Наверное.

— Этого достаточно, — сказал тот мягко.

Он подошёл ближе. Не спеша. Лисёнок не отстранился. Наоборот, он вдруг понял, что уже давно хотел, чтобы его просто нашли. Без крика. Без поиска. Просто нашли. Он не сделал ни шага назад. Только тихо вдохнул.

— Меня зовут Зефирчик, — сказал тот.

— Я ждал тебя, — ласково ответил Лисёнок с мягкой улыбкой.

— Откуда ты знал, что я приду?

Зефирчик сел рядом, поджав лапки. Поверхность под ними слегка поскрипывала, как большое облако из воздушных шариков.

— Я не знал, — ответил Лисёнок. — Я просто оставался здесь. Потому что иногда кто-то приходит.

— Кто-то? — уточнил Зефирчик.

— Тот, кто очень долго молчал. Тот, кому нужно место, где не надо ничего доказывать.

Лисёнок посмотрел вниз. Под шариком мягко перекатывались облака из пузырей. Некоторые чуть светились. Один пролетел совсем близко и в нём промелькнуло лицо. Доброе. Его собственное. Но чуть младше.

— Я был один, — прошептал он.

— Я знаю, — с теплом отозвался Зефирчик. — Я был рядом. Просто ты ещё не умел видеть.

— А теперь?

— А теперь умеешь.

Они сидели молча. Но это было не пустое молчание, а то самое, тёплое, в котором хорошо. В котором можно просто быть.

Зефирчик протянул лапку:

— Пойдём?

— А куда? — тихо спросил Лисёнок.

— Куда захочешь, — ответил Зефирчик с лёгкой улыбкой. — В Зефирной Бесконечности нет правильного пути. Есть только твой.

Лисёнок взял его за лапку и впервые почувствовал: он не гость здесь. Он не случайный. Он будто вернулся туда, где его помнили.

Зефирчик держал его легко. Не тянул. Не вёл. Просто был рядом как те, кто остаются, даже когда ты сам не уверен, готов ли идти. Они неспешно шли по мягкому склону, сложенному из воздушных шариков и пузырей. Шарика под лапками тихонько поскрипывали, словно радовались прикосновению.

— Это всё... настоящее? — спросил Лисёнок, оглядываясь. Его голос звучал как шёпот на снегу.

Зефирчик кивнул:

— Да. Но настоящее бывает разным. Это не то настоящее, где нужно вставать по будильнику и улыбаться, когда не хочется. Это другое. Здесь можно не делать вид. Здесь ты просто есть.

— А это всё... специально для меня? — Лисёнок замер, искренне удивлённый. В его глазах было то редкое изумление, которое появляется, когда впервые веришь, что тебя действительно ждали.

Зефирчик улыбнулся. У него была такая улыбка, будто он знал что-то важное и тёплое, что невозможно сказать словами. Он чуть наклонил голову и ответил:

— Это место не чьё-то. Оно приходит к тем, кто однажды уходит очень глубоко внутрь. Не потому, что хочет спрятаться, а потому что не осталось больше куда идти. И тогда, если быть с собой очень честным, оно открывается.

Лисёнок шёл рядом, прижимаясь к нему плечом. Ветерок тихо колыхал их шерстку, будто гладил за храбрость.

— Значит, я упал? — прошептал он.

— Нет, — покачал головой Зефирчик. — Ты просто перестал держаться за то, что давно болело.

Они шли мимо озера, по поверхности которого скользили огромные пузыри. В каждом было отражение, но не как в зеркале, а как во сне. Лисёнок заглянул в один и вдруг увидел свою комнату: игрушки, кран, машинки, плюшевых зверят и себя, мирно спящего. Так, как он всегда мечтал: в покое. Пока весь его игрушечный город оживает и занимается своими маленькими делами.

— А это что? — прошептал он.

— Иногда здесь появляются отражения того, что было важно, — мягко ответил Зефирчик. — Даже если ты сам уже забыл, насколько это было тебе нужно.

— А можно... остаться здесь навсегда?

Зефирчик прищурился.

— Можно. Но чаще всего здесь остаются не навсегда. А чтобы вспомнить. Кто ты. Что ты чувствуешь. И что ты вовсе не потерян.

Они остановились. Перед ними простиралась долина, мягкая, светлая, как поле из зефирных лепестков. В её центре покачивались на ветру круглые кучки из воздушных шариков: больших и маленьких, нежных цветов, почти прозрачных.

— Мы можем пойти туда, — сказал Зефирчик. — Там хорошо отдыхать. А можем полететь. Здесь есть воздушные острова и мыльное море. Или просто посидеть здесь.

Лисёнок вдруг замер и посмотрел на него серьёзно.

— А ты... всегда будешь со мной?

Зефирчик чуть наклонил голову.

— Всегда, — тихо сказал он. — Даже если ты меня не видишь. Я всё равно буду рядом.

Лисёнок сел прямо на мягкий склон, сложенный из пузырьков и зефирок. Они чуть похрустывали под ним, как маршмеллоу. Он смотрел вдаль: на далёкие шары, на переливчатое небо, на мечтательные искры света. Лисёнок наконец не чувствовал больше спешки. Ничего не нужно было менять, не нужно было быть кем-то другим. Всё происходило ровно так, как должно. Он был здесь. Он был собой. А Зефирчик заботливо держал его за лапку.

Зефирчик молчал. Просто сидел рядом и смотрел туда, где мягко переливались холмы, а в небе лениво плыли связки шаров, похожие на мысли, которым больше не нужно было прятаться. Потом он встал, потянул Лисёнка за лапку и тихо сказал:

— Пойдём. Я покажу тебе одно место. Я берегу его для тех, кто приходит впервые. Оно не лучше других, просто очень тихое. А иногда тишина — это самое большое, что можно подарить.

Они шли недолго. Поворот за пушистым кустиком из сахарной ваты, светящийся мостик из пузырей, ещё одна тропинка и вдруг всё стало почти домашним. Здесь не было холмов. Место было чуть углублённым, как фарфоровая чашка. А в её центре — круглое гнездо. Да, гнездо. Но не из веток. А из воздушных шариков: мягких, послушных, нежных,

собранных в кольцо с любовью, будто кто-то укладывал их один за другим, шепча каждому: «Ты нужен. Ты — часть уюта».

Некоторые шарики были полупрозрачные, с блёстками. Другие, наоборот, матовые, бежевые и розовые, как мармелад на ладошке. А в центре, на маленьком возвышении, лежал плед. Тот самый — ванильный, с простроченными звёздами по краю. Как будто знал: здесь будет спать Лисёнок.

По краям гнезда росли светящиеся цветы. Они не пахли, но излучали мягкий свет, такой, как у ночника если бы его не нужно было включать. Он просто рядом, когда темно. Зефирчик замер у края. Он говорил почти шёпотом:

— Это твоё место. Здесь никто не появится случайно. Здесь можно ничего не делать. Можно прятаться. Можно спать. Можно плакать. Можно молчать.

Лисёнок шагнул вперёд. Осторожно дотронулся до края гнезда. Он был тёплый. И ещё упругий, но не слишком. Такой, в который можно свернуться клубочком и почувствовать, что тебя держит не только воздух, но и чья-то забота. Невидимая, но настоящая.

— А можно остаться тут... просто так? Без причины?

Зефирчик кивнул.

— Это и есть причина, — мягко ответил он. — Здесь ты ничего не должен. Даже себе.

Лисёнок осторожно забрался в гнездо. Немного походил вокруг пледа. Потом сел с краю, поёжился, лёг. Натянул плед до самой мордочки и вдохнул. Воздух был мягкий, как объятие. Сладковатый, как сон, которого давно ждал.

Зефирчик не ушёл. Он лёг рядом, чуть поодаль. Тихо, бережно, не касаясь Лисёнка. И больше ничего не сказал. Он просто был рядом. Точно знал: иногда слова могут только помешать.

Лисёнок уложил лапки под голову, зевнул и закрыл глаза. Он вдруг понял, что он не просто заснул. Он отпустил всё то, что нёс слишком долго. И в этой тишине, внутри гнезда, рядом с тем, кто не требовал, он почувствовал себя... дома.

Он тихо заснул, слегка посапывая своим маленьким носиком. И едва заметно улыбаясь. Как улыбаются те, кого наконец нашли.

Глава 4. Лисёнок, Зефирчик и Воздушный Динозаврик

Лисёнок проснулся не сразу. Сначала просто лежал, не открывая глаз, и чувствовал, как мягкие шарики под ним тихо шуршат при каждом вдохе. Плед был тёплым, воздух сладким, а сон каким-то особенно ласковым, будто его гладили всё это время.

Он потянулся, зевнул и только тогда понял: он не один. Рядом с гнездом кто-то стоял. Не Зефирчик, тот мирно лежал поблизости. Это был кто-то высокий, округлый, чуть блестящий и очень-очень жёлтый. Солнечно-жёлтый, как лимонад на летней веранде. По его спинке проходили фиолетовые полосы, а мордочка светилась доброй, чуть неуклюжей улыбкой.

Это был надувной Динозаврик.

Он стоял тихо, будто ждал, пока Лисёнок проснётся. И когда тот открыл глаза, Динозаврик слегка наклонил голову.

— Привет, — сказал он. Голос у него был мягкий и добрый, как если бы его можно было обнять.

— Привет... — ответил Лисёнок чуть сонно. — А ты кто?

— Он просто Динозаврик, — отозвался Зефирчик, приподнимаясь. — Он здесь давно. Он тоже когда-то пришёл и... остался.

— Надолго? — спросил Лисёнок.

Зефирчик улыбнулся.

— На столько, насколько нужно. Иногда — навсегда. А иногда — до тех пор, пока кто-то не скажет: «Я готов идти дальше».

Динозаврик подошёл ближе. Он шёл осторожно, чуть поскрипывая, но в каждом его шаге чувствовалась ласка.

— Я могу быть рядом, если хочешь, — сказал он. — Я умею слушать. Могу катать на спине. Или просто стоять, пока ты спишь.

— А ты... настоящий? — прошептал Лисёнок.

— А ты? — с доброй лёгкой улыбкой спросил Динозаврик.

Они посмотрели друг на друга. Что-то между ними щёлкнуло едва заметно, как пузырик, который лопаётся от тепла. Протянулась невидимая ниточка от сердца к сердцу. Лисёнок шагнул вперёд и робко обнял его. Динозаврик чуть поскрипывал в ответ. Но не отстранился, не исчез, не сдулся. Напротив, стал только крепче. Потому что такие объятия были нужны и ему тоже.

Зефирчик молча наблюдал. Он знал: Лисёнок и сам не заметил — это были его первые объятия без страха, что его не обнимут в ответ.

Они долго просто стояли так, обнявшись. Никто не торопил. Никто не мешал. В Зефирной Бесконечности всё происходило ровно тогда, когда должно.

И когда Лисёнок отступил на шаг, он тихо сказал:

— Я рад, что ты здесь.

— Я тоже, — ответил Динозаврик. — Очень.

— А что ты умеешь делать? — с интересом спросил Лисёнок, глядя на него снизу вверх.

— Я могу кататься, — ответил тот с важным видом. — Очень хорошо качаю на спине. А ещё умею быть горкой, попрыгунчиком, лошадкой, укрытием от дождя и даже замком. Правда, дождя здесь не бывает... но быть укрытием всё равно приятно.

— А ещё? — Лисёнок подошёл ближе.

— А ещё я очень мягкий. И умею смеяться. Вот так! — и он вдруг с весёлым мягким «поп!» подпрыгнул, словно мячик.

Лисёнок рассмеялся. По-настоящему. Не тихо, не в себе, как раньше, а от души. Звонко, как колокольчик.

Зефирчик сидел чуть поодаль с тёплой улыбкой и не вмешивался.

— Тогда поехали! — воскликнул Лисёнок и ловко забрался на покатую спину Динозаврика.

Тот слегка наклонился вперёд и начал раскачиваться. Сначала медленно, потом чуть быстрее, пока весь склон гнездовой поляны не стал подниматься и опускаться, словно под ними пульсировало мягкое море из шаров.

Лисёнок то хохотал, то крепко обнимал за шею Динозаврика, боясь соскользнуть с него. А потом сполз вниз и кувыркнулся прямо в мягкое облако из пузырей.

Один пузырёк прилип к носу. Второй — к уху. А третий лопнул у самого сердца, оставив маленькое, но тёплое ощущение. Такое, которое потом долго не уходит. Как память о прикосновении.

— Догоняй! — закричал Лисёнок, отпрыгивая в сторону.

И они побежали. Катались. Кувыркались. Прятались за шариками. Строили из них башню. Потом лёгким толчком разрушали её. А потом снова строили. Один раз Лисёнок попытался зарыться в гнездо, как в сугроб, а Динозаврик — найти его по хвостику, который торчал наружу.

Всё было без цели. Без побед. Без счёта. Просто радость. Просто вместе.

Когда они немного устали, они легли рядом прямо на огромный воздушный шарик и смотрели, как над ними проплывают пушистые облака. Они двигались медленно, как будто и им некуда было спешить.

— Знаешь... — сказал Лисёнок, уткнувшись носом в бок Динозаврика. — Я совсем забыл, каково это — просто играть.

— Это потому, что тебе долго было не с кем, — ответил Динозаврик. — А теперь есть. Я не исчезну. Я очень надёжный.

Лисёнок молча улыбнулся. Он чувствовал: внутри него что-то тихо разжимается. Как будто долго сжатая пружинка наконец поняла: теперь можно не быть напряжённой. Теперь можно просто быть. И это больше, чем всё остальное.

Они лежали на шарике вместе, Лисёнок и Динозаврик. Воздух был слегка ванильным, как крем, оставшийся после пирога. Небо покачивалось над ними, лениво пропуская мыльные пузыри: прозрачные, радужные, совсем как мечты, которым не нужно сбываться, чтобы быть настоящими.

Динозаврик чуть поскрипывал при дыхании. Это не мешало. Наоборот, успокаивало. У него было то удивительное качество, которое бывает только у самых добрых существ: он никогда не торопился говорить первым, но всегда был готов слушать.

Лисёнок лежал рядом, закинув лапки за голову, и смотрел ввысь, где над ними медленно проплывали связки шаров, похожие на караваны небесных мыслей.

— А ты когда-нибудь играл с кем-нибудь ещё? — спросил он, не глядя.

— Нет, — ответил Динозаврик. — Я очень долго стоял. Меня никто не замечал. Иногда кто-то подходил, трогал, уходил. Но ты — первый, кто обнял.

Лисёнок притих. Он повернулся, чтобы заглянуть в мордочку Динозаврика.

— А я думал, что игрушки не чувствуют одиночества...

— Зато ты знаешь, как оно бывает. Поэтому и обнял, — Динозаврик мягко улыбнулся, и от его улыбки воздух стал ещё чуть теплее.

Они снова замолчали. Над ними проплыл огромный воздушный шар — целая планета, полная воспоминаний. Внутри мерцали образы: комната, мягкий плед, пижама, чашка какао, чьи-то руки, поправляющие подушку и вечерний свет, как из окна, которого больше нет. Они проплывали медленно, будто кто-то листал альбом без слов, неспеша, с любовью.

— А хочешь, я покажу тебе своё секретное место? — вдруг сказал Динозаврик.

— Конечно! — Лисёнок подскочил, встряхнув хвостиком.

Они побежали, перепрыгивая с одного шарика на другой, смеясь, катясь, скатываясь с них и однажды даже с грохотом влетев в пушистую воронку, которая, будто фонтан, выплюнула их обратно вверх — мягко, с весёлым шорохом.

Секретное место оказалось совсем небольшим. Просто круглое углубление между двух холмов, выложенное старыми шариками: в полосочку, в сердечко, с динозавриками и даже со звёздочками. Некоторые шарики были потёртые, но очень уютные. Казалось, они помнили каждый прикосновение.

— Я сам собирал, — сказал Динозаврик чуть смущённо. — Когда мне было одиноко, я прятался здесь. Сюда не долетают пузыри. Тут очень тихо. Но теперь если хочешь... оно может быть наше.

Лисёнок не ответил словами. Он просто шагнул вперёд, вошёл в кружок, опустился, свернулся клубочком, почти как в самом начале, в гнезде. Только теперь рядом был Динозаврик.

Тот лёг рядом и укрыл Лисёнка своим надувным хвостом. Воздушным, как зефир, но крепким, как обещание.

Шарики вокруг чуть шурша поскрипывали, будто вздыхали с облегчением: теперь здесь двое. Ветер больше не шептал — он просто был. Тёплый, мягкий. Такой, как дыхание того, кто любит.

Глава 5. Путешествие по зефирным просторам

На следующее утро всё было так же тихо и светло. Гнездо из шариков чуть запружинило, когда Лисёнок пошевелился. Плед мягко сполз набок и тёплый воздух обнял его, как ладонь. А рядом кто-то был уже кто-то тёплый, пушистый, знакомый.

— Доброе утро, — сказал Зефирчик, улыбаясь.

— Я не просыпался так спокойно... никогда, — признался Лисёнок, зевая и потягиваясь, как котёнок, вынырнувший из сладкого сна.

Чуть поодаль стоял Динозаврик. Он, как всегда, слегка поскрипывал при каждом вдохе и теперь Лисёнок знал: это значит, что он улыбается.

— Готов к прогулке? — спросил он.

— А куда мы пойдём? — Лисёнок встал, потёр глаза и оглянулся.

— Повсюду, — ответил Зефирчик. — Здесь нет «туда» и «обратно». Зефирная Бесконечность не существует на карте. Она внутри. Мы пойдём и увидим то, что в тебе хочет быть увиденным.

Они отправились втроём: Лисёнок, Зефирчик и Динозаврик. Шли без спешки, по тропинкам, которые появлялись сами. Некоторые были выложены из полупрозрачных шариков, другие из мягкой пушистой ваты, а одна вовсе из звёзд, как будто их кто-то собрал с неба и положил сюда только для них.

Сначала они поднялись на холм, усеянный светящимися цветами. Цветы были круглые, как леденцы, и тихо покачивались на ветру, издавая звуки, напоминающие отголоски воспоминаний: чей-то смех, строчку из песни, запах детства, тепло руки.

Лисёнок остановился у одного и услышал, как кто-то шепчет: «Я горжусь тобой».

Он не знал, кто это был. Может, кто-то из прошлого. А может, тот, кем он когда-то станет. Но сердце дрогнуло. И стало чуть теплее.

Потом они дошли до озера мыльных пузырей. Прозрачные пузыри стекали вниз с мягких, сверкающих горок и собирались в одну мерцающую гладь.

В ней отражалось не то, что видно снаружи, а то, что чувствуешь даже если не знаешь, как сказать.

Лисёнок заглянул в озеро и увидел себя. Не грустным. Не потерянным. А просто настоящим. И в отражении кто-то держал его за лапку. Наверное, это был он сам. Или тот, кто внутри.

— Здесь всё откликается, — тихо сказал Зефирчик. — Но только на правду.

Динозаврик кувыркнулся с берега прямо в пузырьную волну. Она всплеснулась, закрутилась и один особенно большой пузырь поднялся вверх, вздулся, как мыльный купол, и повис над ними.

Внутри была комнатка. Игрушки. Тот самый подъёмный кран. И маленький Лисёнок, который строил что-то важное из разноцветных кубиков. Молча, сосредоточенно. С любовью.

— Это всё ещё с тобой, — прошептал Зефирчик. — Ты просто давно туда не заглядывал.

Они пошли дальше. Иногда молча, иногда смеясь. Иногда Зефирчик помогал Лисёнку взобраться на спину Динозаврика, и тот, весело поскрипывая, катал их через целые поля мыльных пузырей, пока у Лисёнка не начинали слезиться глаза от счастья.

А потом они набрели на поляну. Вся она была выстлана плоскими прозрачными шарами и каждый издавал звук, когда на него наступали: мелодию детства, гул прибоя, стук сердца.

Лисёнок прыгнул — и: «Тинь!»

Динозаврик закрутился — и: «Дэн!»

Зефирчик ступил мягко — и: «Пум!»

— Это... как пианино? — спросил Лисёнок.

— Нет, — ответил Зефирчик. — Это твои воспоминания. Они поют, когда ты не боишься на них наступить.

Лисёнок поскакал с шарика на шарик. Каждый издавал свой звук: высокий, низкий, весёлый, немного грустный. Это была не просто музыка, это был словно разговор с ним самим, с тем, кем он был когда-то и тем, кем ещё только станет.

Динозаврик подпрыгнул рядом, выпустив сразу три звука подряд — динь-дон-пум! Лисёнок расхохотался и упал на бок, катаясь по звенящей полянке.

Зефирчик стоял рядом и улыбался. Он подошёл ближе, и Лисёнок вдруг схватил его за лапы.

— Давай вдвоём!

— Осторожно, ты разобьёшь память, — поддразнил Зефирчик, но тут же прыгнул рядом.

Они кружились втроём: Лисёнок, Зефирчик и Динозаврик, а шарики пели под лапками. И каждый звук звучал: «Ты не один», «Ты здесь нужен», «Будь собой».

Когда они немного устали, улеглись в траву у края холма. Внизу переливались озёра, как стеклянные тарелки. Вдалеке надувались огромные, ленивые пузыри в них, словно в медленных снежных шарах, текли реки цвета акварели.

— Там есть воздушные острова, — сказал Зефирчик, указывая вперёд.
— Один из них совсем пустой. На нём никто не живёт. Он ждёт.

— Кого?

— Того, кто захочет остаться. Или построить дом.

— А мы полетим туда? — спросил Лисёнок, не отрывая взгляда.

— Конечно. Но не сейчас. Сейчас ты ещё только собираешь себя. Видишь? — он указал на крошечную пылинку, зависшую в воздухе. — Это ты, когда был очень-очень маленьким. И ещё верил, что никто не услышит твой голос. А теперь слышит.

Лисёнок молчал. Потом подвинулся ближе и положил голову Зефирчику на бок. Тот чуть вздрогнул от нежности. А Динозаврик лёг рядом и укрыл их хвостом.

— А знаешь, — сказал Лисёнок, закрывая глаза. — Я больше не хочу торопиться. Пусть мир подождёт. Здесь хорошо.

Зефирчик кивнул.

— Зефирная Бесконечность не умеет торопить. Она просто дышит вместе с тобой. И ждёт, пока ты сам захочешь идти дальше.

Они лежали втроём, прижавшись друг к другу Лисёнок, Зефирчик и Динозаврик. Над ними медленно кружились мыльные шары с тонкими золотыми нитями внутри. Каждый покачивался в своём ритме, будто знал музыку сердца. Иногда один вспыхивал, совсем тихо, без звука, и в тот миг казалось, что весь мир на секунду замирает, задерживая дыхание.

— А откуда здесь всё это берётся? — спросил Лисёнок, глядя вверх.
— Всё такое красивое... будто кто-то специально придумал.

Зефирчик повернулся к нему и мягко провёл лапкой по уху.

— Здесь рождается то, что есть в тебе. Не то, что ты показываешь. А то, что прячешь. Что забыл. Что боялся. Что однажды оставил в стороне. Всё это не исчезло. Оно просто ждало, когда ты скажешь: «Теперь можно».

— А если там есть... что-то страшное?

— Оно тоже может появиться. Но только если ты уже готов посмотреть ему в глаза. Здесь ничего не бывает насильно, без твоего согласия. Здесь ты — главный.

Лисёнок кивнул. Он не знал, готов ли. Но чувствовал: ему не страшно.

Динозаврик встал, слегка потянулся, и, поскрипывая, посмотрел вниз — туда, где холмы сходились в мягкую долину.

— Знаете, — сказал он, — тут недалеко есть одно место. Не такое красивое как воздушные поля. Но... особенное.

— Что там? — спросил Лисёнок.

— Я покажу. Там хорошо быть, когда не хочется говорить. Просто быть.

Они спустились по тропинке, выложенной плоскими мягкими подушечками. С каждой подушкой шаг становился легче, будто и лапки, и сердце отдыхали.

Место оказалось тихой ложбинкой, напоминающей колыбель. В ней стояли большие прозрачные пузыри, наполненные тишиной. Настоящей. Такой, где не звенит в ушах. Где нет пустоты. Где тишина как плед: укутывает и бережёт.

Лисёнок вошёл в один из пузырей. Он не лопнул. Просто принял его внутрь. И внутри было невероятно спокойно. Там не было ни комнаты, ни слов, ни образов. Только одно чувство: я есть. Без ролей. Без нужности. Без усилия.

Он просидел там немного. Потом выглянул. Зефирчик ждал снаружи, не торопя.

— Это как... если бы кто-то дал тебе посидеть внутри собственного сердца, — тихо сказал Лисёнок.

— Именно так и есть, — кивнул Зефирчик.

Динозаврик залез в другой пузырь и оттуда послышалось:

— А у меня тут музыка! Только она не играет. Она просто звучит.

Они остались там ещё немного. А потом вышли на свет, на мягкое поле. И пошли дальше. Не ради цели. А просто потому, что теперь они втроём.

Они шли вдоль холма, под лапками мягко пружинила трава, похожая на зефирные ленточки. Она чуть шуршала, будто шептала каждому шагу свои истории.

Иногда навстречу им проплывали воздушные медузы: прозрачные, с длинными светящимися хвостами. Они не боялись, не прятались, просто подплывали, мягко касались лапки или мордочки и уплывали дальше, оставляя после себя запах ванили и чуть-чуть мяты.

— А можно с ними полететь? — шёпотом спросил Лисёнок.

— Если захочешь, — кивнул Зефирчик. — Но, по-моему, сегодня ты и так летишь.

Лисёнок улыбнулся. Он и правда чувствовал, что под лапками не земля, а нечто живое и нежное. Что внутри не тревога, а тёплый покой. И что рядом не просто спутники. А те самые.

Вскоре они подошли к пригорку, где стоял огромный, как планета, шар, мягкий и полупрозрачный. Он чуть раскачивался на ветру, а внутри мерцал свет.

— Это шар воспоминаний, — сказал Динозаврик.

— Но не тех, что ранят, — добавил Зефирчик. — А тех, что делают тебя тобой.

Лисёнок присел у самого шара. Зефирчик лёг рядом. А Динозаврик устроился чуть позади, положив подбородок на лапки.

Внутри шара начали всплывать образы. Лес, в котором Лисёнок однажды прятался от дождя. Комната с игрушками, оживающими в полусне. Лучи заката, что ласкали его мордочку, когда он грустил у окна. Чей-то тёплый голос, почти забытый, шепчущий: «Я рядом»

Глаза Лисёнка увлажнились, но это были не слёзы печали. Это был дождь на рассвете, тёплый, нужный, возвращающий. Он прижался к Зефирчику. Тот обнял его, не говоря ни слова. А Динозаврик вздохнул так, будто тоже знал, как важно просто быть рядом.

— Я не знал, что так можно... — прошептал Лисёнок. — Просто идти, смотреть... и чувствовать себя настоящим.

— Можно, — ответил Зефирчик. — Теперь ты знаешь. И теперь ты здесь.

Они замолчали. Над ними медленно закатывалось солнце: персиковое, золотое, как воздушный шар, уносящий день прочь.

Наступала ночь. Но в Зефирной Бесконечности ночь — это не тьма. Это просто время, когда всё становится чуть тише. Чуть ближе. Чуть яснее. И в этой тишине Лисёнок понял: он больше не ищет путь домой. Потому что он уже здесь. И здесь он важен.

Когда солнце в Зефирной Бесконечности клонится к горизонту, оно не исчезает. Оно просто становится мягким, как шарик с гелием, плывущий вверх, в полусон.

Небо переливается розовым, кремовым, лавандовым. Медленно появляются звёзды, но не резкие, как искры, а нежные, будто кто-то рассыпал крупинки света сквозь сито из марли. Каждая из них дрожит, как дыхание. И кажется, что если прислушаться, то можно услышать, как они поют.

Так втроём они вернулись к своему новому пристанищу. Лисёнок устроился в гнезде. Оно мягко поскрипывало от его движений, прижимаясь к нему, будто подстраиваясь под его форму. Зефирчик лёг рядом. Он свернулся клубочком, обнимая лапку Лисёнка, а его хвостик, пушистый и тёплый, укрыл его как вуаль с розовым кончиком, который время от времени ласково касался носа, когда Лисёнок засыпал.

Динозаврик уже спал. Он уютно свернулся у изножья гнезда, и его шкурка тихонько поскрипывала, словно внутри всё ещё играла солнечная музыка прошедшего дня.

— Зефирчик... — прошептал Лисёнок. — А здесь бывают плохие сны?

Зефирчик тихо улыбнулся.

— Бывают. Если ты приносишь их с собой. Но здесь они становятся мягче. Они растворяются если их рассказать. А ещё лучше если кто-то обнимает тебя пока ты спишь.

Он провёл лапкой по щеке Лисёнка.

— Хочешь, я спую?

Лисёнок кивнул.

И Зефирчик начал петь. Не голосом, а дыханием. Не словами, а тем, что было между строк. Его песня была как волна, что поднимается и опускается. Как тёплая пижама. Как звук, когда ты зеваешь сквозь улыбку.

Пока он пел, гнездо слегка укачивалось. Звёзды мягко мерцали. А Лисёнок чувствовал: внутри больше не пусто. Там кто-то живёт. Кто-то, кто обнимает. Кто-то, кто остаётся. Кто-то, кто поёт.

И даже когда глаза начали закрываться и всё вокруг стало чуть расплываться, он слышал: «Ты в безопасности. Ты дома. Спи, Лисёнок».

И он заснул.

А Зефирчик не уходил. Он просто продолжал быть рядом до самого утра.

Глава 6. Воздушный остров

Лисёнок проснулся и увидел у своей кровати надувного Динозавра. Он смотрел на него с доброй улыбкой. Лисёнок протянул лапку, погладил его по мордочке, и тот тихо прошептал:

— Доброе утро! А знаешь, я умею летать. Но только если ты сядешь на меня. И если твой Зефирчик будет рядом.

Лисёнок, не раздумывая, забрался на его спинку. А Зефирчик устроился сзади, обняв Лисёнка ласково и нежно, как бархатное прикосновение.

— Готов? — прошептал он.

— Готов, — улыбнулся Лисёнок.

И они взмыли в воздух.

Они пролетали над мягкими облаками, сквозь апельсиновый рассвет, над городами и тёплыми озёрами, где отражались звёзды. Ветер играл в ушки Лисёнка и ласкал его щёки.

Динозавр двигался плавно, уверенно, словно знал путь домой. Туда, где Лисёнок будет всегда в безопасности.

Иногда Зефирчик целовал его в затылок, и тогда сердце Лисёнка наполнялось таким теплом, которое оставалось с ним надолго. Потому что это была не просто мечта — это была правда, только на языке души.

Они летели весь день плавно, без спешки, почти беззвучно. Тело Динозаврика было тёплым, упругим, слегка поскрипывало от воздушных изгибов. А воздух вокруг был сладким, как ваниль с каплей клубники.

Лисёнок сидел впереди, а Зефирчик не отпускал его и обнимал аккуратно, но надёжно, так, как обнимают только тех, кто тебе по-настоящему дорог.

Под ними простиралась Зефирная Бесконечность. Она была не плоской и не прямой, а мягкой, как дыхание сна, местами изгибалась, как пелёнка, только что расправленная над младенцем.

Иногда под их лапками проплывали облачные луга из шариков, из пузырей, из светящихся капелек. Одни были похожи на клубы сливочного дыма, другие — на гигантские акварельные цветы, которые шевелились от одного только взгляда.

В одном месте они пролетали над озером из мармелада. Его густая прозрачная вода мерцала, а на ней плавали лилии, сделанные из золотистых блёсток.

Динозаврик тихонько посапывал от удовольствия, когда ветер ласкал его уши.

— Смотри, — прошептал Зефирчик, указывая лапкой вверх.

Там, над ними, плавали огромные пузыри. В каждом отражалось небо, но немного другое: в одном — утро, в другом — закат, а в третьем можно было увидеть комнату Лисёнка, где всё было на своих местах.

— Это не сны, — сказал Зефирчик. — Это воспоминания. Они не умирают. Они просто становятся лёгкими.

В другом месте они пролетали над деревьями. Но не обычными. У этих были шарообразные кроны, а листья отрывались и взлетали вверх, как мыльные пузыри.

Один такой лист коснулся уха Лисёнка, пощекотал, и он тихо засмеялся.

— Ты счастлив? — спросил Зефирчик.

Лисёнок повернулся к нему через плечо и кивнул.

— Очень. Я не думал, что можно так просто... просто быть. И летать. Не стараясь понравиться. Не боясь, что помешал.

— Здесь не мешают, — ответил Зефирчик. — Здесь просто есть.

И они летели дальше. А солнце в Зефирной Бесконечности медленно переливалось в золото, в персик, в клубничный пломбир.

И всё вокруг напоминало детство, которое никогда не кончается.

Когда ночь начала укрывать небо бархатным покрывалом, воздушный Динозавр стал медленно снижаться. Внизу, прямо среди облаков, показался остров: он будто парил сам по себе, мягкий, округлый, как огромный воздушный шар.

На его поверхности переливались лужайки, колыхающиеся в такт дыханию ветра, а вокруг, словно гнёзда, лежали уютные впадинки, укрытые зефирной травой.

Динозавр мягко опустился в самое большое из них и тут же затих, будто сам заснул, убаюканный спокойствием.

Лисёнок соскользнул с его спины и замер от восхищения. Всё вокруг светилось, не ярко, а нежно, как если бы звёзды светили не с неба, а изнутри острова.

— Это место... волшебное! — прошептал он.

Зефирчик подошёл сзади и обнял его, прижавшись щекой к затылку.

— Это твой покой, — прошептал он. — Я привёл тебя туда, где можно не бояться. Где можно просто быть.

Они легли вместе в гнездо из воздушных шариков. Оно чуть поскрипывало под ними, мягко укачивало, как колыбель, сплетённая из тишины и тепла. Лисёнок свернулся клубочком, прижавшись к Зефирчику, а тот укрыл его пледом, не тканевым, а сотканным из добрых слов и невидимого света.

— Я с тобой, — шептал Зефирчик, перебирая мех за ушком Лисёнка. — Ты больше не один. Всё, что было страшным, осталось позади. А всё, что впереди, мы пройдем вместе. Я обещаю.

Над островом медленно кружились звёзды. Они были похожи на огромные воздушные шары с гелием: медленные, мягкие, золотистые. Они пели не голосом, не словами, а вибрацией, которую можно было почувствовать сердцем: ты любим, ты в безопасности, ты дома.

И Лисёнок уснул. Он крепко держал лапкой шарик, оставшийся от дня. Тот шарик тоже дышал рядом, чуть-чуть, как будто знал, что его держат не просто так. Лисёнок знал: утро будет добрым. Потому что рядом Зефирчик. Потому что рядом надувной Динозаврик. Потому что он больше не будет один. Никогда.

Наутро Лисёнок проснулся первым. Он потянулся в гнезде из шариков, зевнул так мило, что ближайший шарик даже подпрыгнул от умиления. Воздух был свежим, как после дождя, но здесь никогда не шёл дождь. Только мягкий туман из пузырей, лёгкий, как дыхание.

Рядом спал Зефирчик, свернувшись в полупрозрачное облачко, обнимая лапку Лисёнка. Его дыхание было тёплым, как ванильное молоко. Лисёнок поцеловал его в щёчку, встал, осторожно перелез через шарики гнезда и пошёл к краю острова.

Проснувшись, Динозаврик увидел, как Лисёнок тихо уходит, и, ничего не говоря, потопал за ним, поскрипывая и покачиваясь на ходу.

Там, где заканчивалась лужайка, начиналось море, но не обычное, а мыльное. Волны были из переливающихся пузырей всех оттенков: от жемчужного до нежно-розового. Каждую секунду на поверхности рождались новые пузыри, и, лопаясь с лёгким «поп!», они смеялись, будто играли.

Берег был выстлан шариками: крупными, пушистыми, как маршмеллоу. Лисёнок ступил на них и те приятно пружинили под лапками. Он сел, обнял колени и просто смотрел на море. Оно дышало. Оно звало. Оно шептало что-то только ему на языке ветра.

Через пару минут рядом оказался Зефирчик. Он молча сел, обнял Лисёнка и прошептал:

— Там, в пузырях, можно видеть сны. Они вырастают, лопаются и улетают... как всё, что когда-то ранило. Только теперь без боли.

Они сидели так долго. А потом вдвоём подошли к воде. Зефирчик поднял лапки и поймал волну — она вытянулась в огромный переливчатый пузырь, в котором вспыхнули картинки: детство Лисёнка, летние окна, шарики под потолком, комната, полная свет и он сам — любимый, обнимаемый.

— Это всё в тебе, — сказал Зефирчик. — Даже если ты забыл. Даже если было больно. Оно всё равно живо.

А потом они начали бегать по берегу, ловить пузыри, кататься на шариках, кидаться ими, падать в обнимку и смеяться до слёз. Море пело свою тихую песню, а небо светилось радужными бликами.

В тот день Лисёнок понял: счастье не где-то далеко, оно внутри, там, где тебя принимают. Там, где тебя любят.

После весёлого дня Лисёнок растянулся на шариках. Его тёплая шерстка впитывала солнце, как пушистое полотенце. Рядом валялся слегка сдутый, но всё ещё бодрый Динозаврик, у которого даже реснички, казалось, смотрели в небо.

— А знаешь, — сказал Зефирчик, лёжа на животе и дразня лапкой пузыри, — здесь есть одно место, куда никто не заглядывает просто так. Только если идёшь с сердцем.

— Куда? — прошептал Лисёнок, повернув голову.

— В Пещеру Света. Она здесь, на остров, но добраться до неё можно только на специальной лодке из шариков.

Вскоре они уже надували её, шарик за шариком: прозрачные, с блёстками, с сердечками, пастельные, и один — обязательно — в форме звезды.

Лодочка получилась округлая, мягкая, но прочная, и в ней было место только для двоих... и одного очень важного пассажира — Динозаврика.

Они отплыли. Мыльное море пело, пузырилось, ласково шуршало на солнце. Лодка мягко покачивалась, шарики шептали свои истории, а ветер приносил запах ванили и чего-то ещё, доброго и родного.

Пещера появилась внезапно, будто открылась из самого воздуха. Вход в неё была арка, сложенная из шариков так, словно они сами захотели соединиться.

Внутри было темно, но в глубине мерцал тёплый, живой свет. Он не звал и не манил, он просто был. Как дыхание. Как обещание.

Когда Лисёнок вошёл внутрь, свет окутал его со всех сторон. Он не слепил, не пугал, он просто обнимал. Мягко, без условий. И тогда, будто из самого воздуха, раздался шёпот: «Загляни в себя. Здесь можно загадать одно настоящее желание. Но только то, что идёт от сердца».

Лисёнок посмотрел на Зефирчика, на динозаврика, на свою лапку. Затем глубоко вдохнул и прошептал:

— Пусть я всегда буду любим. Пусть я никогда больше не буду один.

Свет собрался в яркий пузырь. Он завис в воздухе, засиял и коснулся носика Лисёнка, а потом лопнул. Золотые искры осыпали его, впитываясь в шерстку, в лапки, в сердце.

— Желание принято, — прошептала Пещера. — И уже сбылось. Ты просто ещё не знаешь.

Когда они вернулись обратно, всё вокруг казалось прежним. Но внутри Лисёнка что-то изменилось. Он больше не боялся темноты потому что в ней теперь жил свет. Его свет.

На следующее утро Лисёнок проснулся от тихого шороха. Он открыл глаза и увидел над собой десятки больших гелиевых шаров. Они медленно плавали в воздухе, как солнечные медузы. Шарики были привязаны к мягкой подушке, на которой он спал. Некоторые шары были прозрачные, с блёстками внутри. В других были миниатюрные звёзды. А в нескольких светились мягкие, как дыхание, слова: «Не бойся», «Ты важен», «Ты не один».

— Это подарок от острова, — улыбнулся Зефирчик, подходя ближе. — Он видит, что ты стал сильнее. И теперь ты готов взлетать.

Лисёнок обнял динозаврика. Он сел на подушку, и вместе с Зефирчиком начал подниматься: сначала медленно, почти незаметно, как будто сам воздух не хотел их спугнуть. А потом всё выше и выше.

Под ними остался остров: гнёзда из шариков, мыльное море, Пещера Света. Всё на острове становилось всё меньше... но тепло не исчезало. Оно теперь жило внутри.

— Куда мы летим? — прошептал Лисёнок, прижавшись.

— Внутрь Зефирной Бесконечности, — ответил Зефирчик. — Парить над твоим сердцем. Посмотреть на всё, что ты прятал и забыл. Всё, что делает тебя тобой.

Они летели над полями воспоминаний. На них были кадры из детства: комната с шариками, запах бабушкиной кухни, окно в дождь, музыка издалека... И дальше — первая любовь. И боль. И стыд. И обрывки счастья.

Лисёнок притих. Он сжал лапки. Дыхание стало тише.

— Я... боюсь упасть, — прошептал он.

— Не бойся, — сказал Зефирчик, обнимая крепче. — Шары не отпустят. Я не отпущу. И если станет страшно, то просто смотри на меня.

Они летели над всем: над страхами, над слезами, над мечтами, которые не сбылись и над теми, что ещё ждут своего дня.

В какой-то момент один из шаров развязался. Он улетел, чуть покачиваясь. На нём светилось слово: «стыд».

Лисёнок смотрел ему вслед. Долго. Молча. А потом просто улыбнулся.

— Пусть летит, — сказал он. — Я больше не хочу его держать.

Зефирчик посмотрел на него. И тоже улыбнулся. Он прижал Лисёнка крепче, уткнувшись носом в его плечо.

— Ты летишь, Лисёнок. Ты больше не пленник. Ты — воздух. Ты — свет.

Шары мягко опустили их на тропинку, покрытую пылью от цветов. Воздух был свежим, но тёплым как прикосновение лапки. Вокруг расстилались луга, шепчущие травой, будто пели прощальную колыбель ветру. И среди них стоял он — маленький белый дом: один этаж, тихая веранда и пергола, увитая розами, белыми и мягко-розовыми, как облака на закате.

От дома веяло покоем. Он не звал. Он ждал. Всю жизнь.

Лисёнок ступил на тропинку, и шарики, отдав последний лёгкий толчок, мягко разлетелись по небу. Они больше не держали его как того, кто улетает. Они держали его как того, кто наконец вернулся.

— Это... здесь? — прошептал он, остановившись у калитки.

— Здесь, — сказал Зефирчик. — Ты мечтал об этом доме. Он рождался в тебе каждый раз, когда ты чувствовал тепло. Каждый раз, когда кто-то смотрел на тебя с любовью. А потом ты сам стал его строить постепенно из своих слов, из своих слёз, из своей мечты.

Лисёнок распахнул калитку, поднялся по ступенькам на веранду. Он провёл лапкой по белым перилам — дерево было тёплым от солнца, как живое. Как будто оно помнило его прикосновение. Как будто оно скучало.

Он заглянул внутрь. А там — свет, простор, воздух, окна, шарики под потолком, книжные полки, подушки и плед... плед, который будто знал его запах. Его одиночество. Его нежность.

Он вошёл, сел на диван, обнял подушку, закрыл глаза.

Зефирчик присел рядом, обнял его и долго-долго держал. Ничего не говоря. Только дыша рядом.

— Ты дома, Лисёнок, — прошептал он затем. — Здесь ты можешь быть собой. Здесь тебя никто не обидит. Здесь тебя любят просто за то, что ты есть.

В этот момент Лисёнок больше не чувствовал ни страха, ни стыда, ни боли. Только лёгкость. Как после бури. Как после слёз. Как после долгой-долгой дороги когда, наконец, снял с себя всё. И просто остался.

Лисёнок тихо сидел, обняв подушку, и смотрел в окно. Сквозь стекло был виден дворик, где на качелях медленно покачивался Динозаврик. А за домом снова распускалась Зефирная Бесконечность: шариковые луга, пушистые облака, пузырьковые деревья. Но теперь они казались другими: не далекими, не волшебными, а самыми родными.

Он встал и прошёлся по дому. Коснулся шкафчика — там стояли чашки, как в детстве. Открыл ящик, а в нём лежали старые письма, которые он никогда не отправлял, и рисунки, которые когда-то боялся кому-либо показать. Теперь они просто были. И он больше не отворачивался от них.

Зефирчик подошёл и остановился рядом.

— Всё это — ты, — мягко сказал он. — И это всё может остаться. Не нужно больше прятать.

— Я думал... я потерял, — прошептал Лисёнок.

— Ты просто искал, — ответил Зефирчик. — Теперь ты здесь.

На веранде появился Динозаврик. Он поднялся по ступенькам, немного шаркая мягкими лапами, и уселся у порога. Его глаза сверкали, в них не было слов, но было всё, что нужно: радость, спокойствие и тёплое «Я рядом».

Лисёнок вышел к нему, крепко обнял, и в этом объятии было всё то, что он так долго не мог сказать себе. Потом он посмотрел на небо и увидел, как высоко над домом плывёт последний шар — белый, чуть прозрачный, и на нём было написано: «Теперь ты можешь дышать».

Он не стал звать его обратно, он просто смотрел, как он уходит.

Зефирчик подошёл, обнял со спины, Динозаврик мирно прижался сбоку и Лисёнок, стоя между ними, почувствовал себя целым.

Он больше не был потерян — он был дома, он был собой. И он знал: утро снова наступит и будет нежным.

Глава 7. Лес Воспоминаний

Утро пришло без слов. Оно просто вошло тихо на лапках, как котёнок, пробежалось по полу солнечными пятнами и ласково потянулось к Лисёнку сквозь открытое окно.

Он лежал, укрывшись одеялком, и не сразу понял, что проснулся. Воздух стал другим — живым. Тепло под одеялом больше не казалось укрытием, а было просто уютом. Он потянулся и услышал, как зашуршали шарики под потолком. Некоторые спустились ниже, почти до его носа, будто хотели поиграть и разбудить поцелуем.

На веранде кто-то уже был: тихо ступал по дереву, наливал чай, шептал что-то себе почти неслышно, как сон на краю пробуждения.

Лисёнок вышел из дома. Зефирчик сидел в кресле, обернувшись пледом, и крутил в лапках воздушный шарик: прозрачный, с маленьким сердцем внутри.

— Доброе утро, — сказал он.

— Оно правда доброе, — ответил Лисёнок.

Они сидели молча, пили чай, смотрели на цветы. Динозаврик нежно сопел, свернувшись у порога. Тишина была полна дыхания.

Но вдруг лёгкий поворот ветра, как будто кто-то позвал, но не голосом, а ощущением внутри. Зефирчик встал.

— Нам пора.

— Куда?

— В Лес Воспоминаний.

Лисёнок ничего не сказал. Он уже знал.

Они вышли из калитки, и путь сам начал прокладываться под их лапками. Тропинка становилась всё уже, трава и растения выше. А потом начались деревья, но не обычные: в их стволах были узоры, похожие на письма, на листьях следы детских пальцев, а между ветвей висели... воспоминания.

Лес Воспоминаний был тихим. Не потому, что в нём никто не говорил, а потому, что каждое дерево, каждая ветка, каждый изгиб коры хранили в себе что-то очень важное. Что-то забытое. Что-то живое.

Лисёнок ступал медленно. Под лапками пружинила мохнатая почва, похожая на старое одеяло из детства. В воздухе витал лёгкий аромат ванильного печенья и пыльцы с подоконников — это был запах, в котором жило время. Ветки над головой покачивались, с них свисали тонкие нити, как паутина. На их кончиках висели фрагменты: маленький башмачок, голубая пуговка, открытка с криво написанным "я тебя люблю".

Лисёнок замер. На одном из деревьев он увидел себя: совсем крошечного, с распушёнными ушками, сидящего на полу своей комнаты, окружённого машинками и плюшевыми зверями. Он поднимал в лапках игрушечный кран и тихо шептал:

— Построй мне дом, пожалуйста. Только чтоб никто не ругался.

И кран начинал медленно двигаться. В фантазии всё оживало. Но за дверью слышались голоса. Громкие. Колочие. И малыш вздрагивал, накрываясь одеялом.

— Я помню это, — прошептал Лисёнок. — Я боялся даже дышать.

Зефирчик не ответил. Он просто подошёл ближе. Взял Лисёнка за лапку. Просто держал. Не говоря: «не плачь», не говоря: «всё уже прошло». Потому что не прошло. Потому что это всё ещё его мир.

Дальше были другие сцены: как он один сидел за столом, как смотрел в окно на играющих лисят, как в школе прятал рисунки под тетрадками, как мама не заметила, когда он заболел, а потом удивлялась: «Почему ты молчал?»

И были моменты тепла. Как бабушка гладила по голове. Как кто-то один раз сказал: «Ты особенный, просто ты не знаешь, насколько». Как светлячок сел на лапку и не испугался.

В этих воспоминаниях Лисёнок стоял и слёзы тихо текли по его мордочке. Не резкие, а как дождь в ночи, осторожно играя свою трель по крышам, когда устал. Зефирчик был рядом. Он не утешал. Он был. И это было важнее всего.

Деревья становились выше. Их стволы — толще, старше, будто они росли веками, питаюсь не водой, а чувствами. Теперь лес казался почти живым. Он шептал. Не словами, а шелестом листвы, вздохами ветра, пронзительным щелчком сухой веточки, на которую неосторожно ступил Лисёнок.

Они свернули с тропы и перед ними открылся небольшой овраг, где деревья расступились, а на мшистом холме стоял странный стол. Он был сделан из веток и старых книг. На нём были разбросаны предметы: фото, записки, игрушки, кусочек ткани, старая тетрадь с рисунками и даже блестящий шарик, уже сдувшийся, но всё ещё целый.

Лисёнок подошёл. Он взял в лапки шарик. Поднёс к носу, принюхиваясь, и замер. Этот запах... он знал его.

Комната. Пыль в солнечном луче. День рождения. Он тогда думал, что никто не придёт, но один лисенок пришёл, принёс этот шарик. Они смеялись, пускали мыльные пузыри, а потом он уехал навсегда.

— Я совсем забыл... — прошептал Лисёнок.

— Ты не забыл, — мягко ответил Зефирчик. — Ты просто не открывал это долго.

— Мне тогда было хорошо. Очень хорошо. А потом... стало хуже. И я не хотел вспоминать.

— Но сейчас ты уже не там, Лисёнок. Сейчас ты здесь. И ты можешь взять это с собой — не боль, а свет.

Они шли дальше.

Теперь лес становился не только старым, но и красивым. На ветвях висели прозрачные сферы, как шары с воспоминаниями. И в каждой была своя история. Лисёнок пригляделся и увидел, как маленький он впервые прочитал книгу до конца, как нашёл коробку с мамиными письмами, как однажды дождь намочил его до нитки, и он смеялся, потому что впервые почувствовал, что может быть свободным, пусть и на одну минуту.

Он всё шёл и с каждым шагом становился легче. Потому что то, что раньше тянуло вниз, теперь не мешало идти — оно стало частью его пути. И даже боль переставала жалить, а становилась просто тенью: тихой, прошедшей, светлой.

В самом центре Леса была поляна. На ней стояло большое необычное зеркало. Оно отражало не внешность, а то, кем ты стал.

Лисёнок подошёл. И увидел себя. Того, кто прошёл всё это. Кто боялся, но не остановился. Кто хотел исчезнуть, но остался и стал сильнее.

Он протянул лапку к зеркалу, но вместо холодного стекла почувствовал тепло. Как от ладони. Как от объятия.

— Это ты, — сказал Зефирчик. — И ты настоящий. Даже если ещё не веришь в это.

Лисёнок закрыл глаза. А когда открыл, зеркало исчезло. На его месте появилась тропинка впереди. И они отправились в путь по ней.

Лисёнок и Зефирчик снова шли молча. Лес менялся: теперь он был менее сумрачным, лучи золотистого света пробивались сквозь листву, падая пятнами на землю, словно кто-то сверху рассыпал тёплые огоньки.

Лисёнку показалось, что даже воздух здесь пахнет по-другому, как будто бы... прощением.

— Ты заметил? — спросил он.

— Да, — кивнул Зефирчик. — Лес чувствует, когда ты отпускаешь. Он тоже умеет дышать.

Они подошли к высокому кусту, увитому лентами. На каждой ленте было написано слово. Некоторые почти стерлись: «стыд», «вина», «слишком странный», «не такой». Другие ленты сияли новым светом: «нежность», «мечта», «настоящий».

— Это всё когда-то было внутри тебя, — сказал Зефирчик. — Каждая лента — это чья-то фраза. Иногда неосторожная, иногда твоя собственная мысль. Ты можешь не помнить, но они остались, чтобы когда-нибудь ты решился прийти сюда и развязать их.

Лисёнок протянул лапку. Осторожно снял одну тёмную ленту с надписью «не достоин», и в этот момент она рассыпалась, как мелкая пыль в свет. Просто исчезла без боли, без следа, как будто всегда хотела быть отпущенной. А рядом, на другой ветке, он увидел детский рисунок, криво и неумело нарисованная сцена: на ней маленький Лисёнок держит за лапку другого лисёнка, а рядом гелиевый шарик в форме сердца. Цвета уже давно выцвели, но чувства всё ещё остались.

— Я рисовал это... — прошептал он.

— Ты, — кивнул Зефирчик. — Когда ещё не знал, что будешь прятать такие чувства. Когда любил честно, просто, без страха.

Лисёнок медленно опустился на мох, посмотрел на рисунок и впервые за долгое-долгое время не почувствовал стыда — только тихую тоску и светлую благодарность.

Зефирчик присел рядом с Лисёнком. Они просто посидели так некоторое время, плечом к плечу. Зефирчик молчал. Он знал, что сейчас слова излишни.

Когда они встали, лес стал шире. Впереди показалась арка из переплетённых ветвей, увитая белыми цветами. Она вела в поляну, залитую вечерним светом. Посреди

поляны был пруд, а на его зеркальной поверхности — отражения, но не окружающего мира, а памяти.

Подойдя к водяной глади, Лисёнок наклонился. Он увидел свою первую поездку к морю: как он держал огромный пляжный мяч, как бежал по берегу, как смеялась бабушка, и солнце слепило глаза, и сердце было полным. Полным веры в то, что мир — это место, где можно быть счастливым просто так.

Он опустил лапку в воду, и отражение исчезло. Как сон. Как память, которая не умирает, но замирает глубоко внутри.

— Это не потеря, — сказал Зефирчик. — Это напоминание. О том, что в тебе всегда было солнце. Даже если ты его забыл.

Лисёнок глубоко вдохнул. Глаза блестели, но он не плакал.

— Я хочу запомнить этот лес. Не только боль, но и всё — всё, что было настоящим.

Зефирчик кивнул.

— Мы можем вернуться сюда, когда ты захочешь. Этот лес — часть тебя. Он не исчезнет. Но теперь ты знаешь дорогу назад.

Они развернулись, и в тот момент, когда они ступили на тропинку, ведущую к дому, одно из деревьев тихо осыпало лепестки им под лапы, будто прощаясь, будто говоря: «Спасибо, что пришёл. Спасибо, что осмелился помнить».

Дом встретил их мягким светом, тёплым, как дыхание после долгой дороги. Окна светились, будто кто-то оставил в них не лампы, а кусочки заката.

Лисёнок медленно прошёл по знакомой тропинке, взглянул на перголу, где розы уже тихо дремали, и осторожно отворил дверь. Внутри пахло ванилью, бумагой и чуть-чуть корицей.

— Я не думал, что вернусь... таким, — сказал он тихо, оглядываясь.

— Ты всегда возвращаешься чуть другим, — улыбнулся Зефирчик, — Но дом остаётся тем, кто умеет тебя узнавать.

Они зашли в комнату. Плед на диване будто немного расправился, подушки придвинулись ближе друг к другу, а на столике стояли две кружки с ароматным чаем. Одна кружка с мёдом и ромашкой. Вторая — с чем-то тёплым, пряным, как вечер перед сном.

— Дом тоже умеет заботиться? — спросил Лисёнок.

— Если ты пустил в него свет, — кивнул Зефирчик. — Дом — это не стены. Это место, где ты можешь не притворяться.

Они устроились на диване. Зефирчик обнял его сбоку, за плечи, а Лисёнок положил голову ему на плечо.

Вечер за окнами медленно превращался в ночь. Шарики под потолком чуть покачивались. Где-то в другой комнате зевнул мягкий динозаврик. И где-то внутри Лисёнка уже не было пустоты. Была тишина. Живая. Та, в которой можно слышать, как бьётся сердце.

— Завтра мы снова пойдём гулять? — спросил он, зевая и уже начиная засыпать.

— Конечно. Хоть в лес, хоть на край неба, — прошептал Зефирчик. — А если ты вдруг захочешь мы можем просто остаться. Просто быть.

— А можно я всегда буду с тобой?

— Я и есть с тобой. Всегда. Даже когда ты думаешь, что один. Просто дотронься до сердца, и ты меня найдёшь.

Лисёнок что-то пробормотал тихо, уже почти во сне. Одеяло укрыло их нежно, как крыло. Дом вздохнул и за окнами, в Зефирной Бесконечности, зажглись первые звёзды.

Глава 8. Сердце Зефирной Бесконечности

Утро пришло неспеша. Оно не разбудило, оно ласково пригладило мех, вдохнуло в комнату мягкий свет и разбудило внутри улыбку. Лисёнок проснулся в своём уютном гнезде из подушек и шариков, а рядом, как всегда, тихо дышал Зефирчик.

— Сегодня будет особенный день, — прошептал он, словно знал это заранее.

Лисёнок потянулся, зевнул, и вдруг заметил: весь потолок был усыпан светящимися шарами. Они плавали, как медузы в воде, мерцали, переливались и на некоторых он разглядел надписи: «ты любим», «ты свет», «ты не один».

— Это подарок от Зефирной Бесконечности, — улыбнулся Зефирчик. — Она чувствует, что ты стал сильнее.

После завтрака на веранде с тёплым хлебом, зефирным кремом и ягодами их ждал день, полный чудес.

Сначала они летали. Сидя на спине Динозаврика, они поднимались над островами облаков, порхающих, как ватные птицы. Ниже проплывали озёра цвета молочной карамели, холмы из мягкой шерсти, деревья, у которых вместо листвы были воздушные шарики.

Потом была тропинка из блестящей мыльной пены. Она вела к высокому хрустальному мосту, висящему в воздухе. А за ним лежало Сердце Зефирной Бесконечности.

Это было место, где всё будто становилось яснее: огромная долина, где облака были ароматными, как ваниль и жасмин, где в воздухе плавали пузыри с кусочками воспоминаний: радость, мечты, смех.

В центре долины стояло дерево. Оно было сделано из света, и листья его шептали имена. Лисёнок слышал своё.

— Здесь рождаются все добрые сны, — сказал Зефирчик. — И отсюда они отправляются в мир.

А потом начался праздник, не похожий ни на один другой — настоящий праздник в сердце Зефирной Бесконечности.

В воздухе закружились волшебные карусели. На одной — резные лошадки, будто вырезанные из снов, с гривами из лент и глазами, полными доброты. Они мерно поднимались и опускались под музыку, похожую на колыбельную. И казалось, весь мир

дышит в такт их движению. На другой карусели плавно вращались прозрачные капсулы в виде лепестков. В каждой можно было уютно устроиться, прижавшись к плюшевому мишке.

Игрушки со всех островов собрались на огромную поляну: пингвины и зайцы, мягкие киты, мыльные дракончики и котята из тумана. Они обнимались, танцевали, дарили друг другу фонарики и воздушные поцелуи. Над поляной парили гирлянды из жемчужных пузырей, и в каждом пузыре мерцало маленькое желание. Некоторые из них лопались, едва кто-то шептал своё сокровенное.

Шарики в форме сердец опускались с неба, как лепестки. Они были наполнены светом и ласковыми словами. Облачка бережно подхватывали их и запускали обратно ввысь, шепча в них мечты.

На отдельной поляне работали мастера-зефирники: они лепили фигурки из сладкого теста, угощали зефирными звёздочками и наливали тёплый ванильный чай с корицей.

В центре праздника вырос фонтан, струящийся не водой, а мягким светом. Каждый, кто подходил ближе, чувствовал, как в груди откликается что-то забытое, тёплое и важное. Лисёнок долго стоял у него, пока Зефирчик не взял его за лапку.

А потом произошло нечто особенное.

Среди шариков и мыльных пузырей, в глубине поляны, появился белоснежный рояль. Он стоял так, будто вырос из самого света. Зефирчик подошёл к нему, сел и коснулся клавиш.

Музыка не началась, она проснулась тихо, как дыхание. Мелодия не звучала, а будто открывала двери в невидимое, в то, что живёт глубоко внутри и не всегда может быть сказано словами. Зефирчик не играл, он разговаривал с миром через ноты, и каждая нота отзывалась в Лисёнке, словно кто-то гладил его сердце изнутри нежным светом любви. Это была не просто соната — это была их история, превращённая в свет.

Воздушные шарики в форме сердец продолжали медленно опускаться, касаясь лапок, носиков, крыльев. Они были полупрозрачные, наполненные золотистым сиянием и словами: «я рядом», «ты любим», «ты важен». Некоторые из них мягко взрывались, оставляя в воздухе облачко блёсток и запах клубничной ваты.

Лисёнок кружился в танце с надувным пингвином, а потом Динозаврик поднял его на спину и закружил так, что шарики сыпались с неба, как конфетти.

Появились музыканты: енот с аккордеоном, сова с флейтой и лемур с огромным барабаном. Музыка была странной и одновременно прекрасной, как будто Зефирная Бесконечность сама пела через них.

Маленькие облачка играли в догонялки, пролетая сквозь шарики. Пузырьки желаний поднимались из фонтанов зефира, а угощения вырастали прямо на кустах: мармеладные ягоды, шоколадные кроны, взбитые сливки на ветках.

На закате весь воздух окрасился в розовое и золотое, и с вершины холма Лисёнок увидел: вся Бесконечность сияет, словно дышит вместе с ним.

Зефирчик обнял его сбоку, и они сидели вместе, глядя на чудо, сотканное из света, тепла и тех, кто умеет видеть сердцем.

— Ты счастлив? — спросил он.

— Да, — ответил Лисёнок. — Я никогда не знал, что счастье может быть таким тихим.

Они сидели ещё долго, до самого вечера, пока воздух не дрогнул.

Сначала едва уловимая вибрация, будто кто-то тронул саму ткань мира. Она прошла сквозь поляну как шёпот, как дыхание, как зов.

Лёгкий ветер шелестнул сквозь шарики, и некоторые из них затрепетали, будто узнали, будто откликнулись. Лисёнок вздрогнул. В этом звуке было что-то родное. Как имя, забытое, но навсегда вписанное в глубину сердца. Как голос, звавший издалека, из другого берега.

— Это он, — сказал Зефирчик почти не слышно. — Зов. Он приходит, когда тот мир начинает вспоминать о тебе.

Лисёнок прижался к нему крепче. Он чувствовал, как внутри что-то хрупкое задрожало, будто снежинка, которая не хочет растаять.

— Мы можем пойти к нему, — продолжил Зефирчик. — Но только если ты готов. Никто не обидится если ты решишь остаться.

Они пошли через Зефирную Бесконечность, и по дороге к ним начали слетаться шарики. Каждый из них нёс внутри крошечный мир — один принадлежал реальности, другой мечте. Парные образы, как два крыла, уравнивали друг друга.

В одном шарике был школьный коридор, резкий звонок, одиноко идущий Лисёнок. А рядом, в паре, комната в Зефирной Бесконечности, полная мягких шаров, где никто не спешит и каждый звук как прикосновение.

В другом — вечер за закрытой дверью, где Лисёнок затаённо прислушивается к голосам в соседней комнате, а напротив — веранда под перголой, белые розы, и голос Зефирчика, читающего вслух что-то смешное и волшебное.

Ещё один шарик с отражением в автобусном стекле: размытом, усталом, чужим. А в паре — полёт на спине Динозаврика, лапки раскинуты, в глазах сияет ветер и свобода.

Один шар со стыдом: фраза, случайный смех, взгляды. А рядом другой, где надпись в воздухе светится: «Ты не один».

Так реальность и мечта шли рядом. Бок о бок. И не всё в первом было болью. Были шарики, в которых хранились крошечные радости: чашка какао в промозглое утро, тёплый плед, запах мандаринов на Новый год, смешной танец с бабушкой под старую пластинку, первая открытка, подписанная собственной лапкой, пёстрый воздушный шарик, подаренный кем-то, кто тогда казался всем миром.

Даже в те дни, где Лисёнок был один, иногда находилось утешение, как тихий свет из окна или добрый взгляд прохожего. Не слова, но жесты. Не объятия, но касания души.

Так он увидел: не всё было холодом и мраком. И если вернуться, он сможет найти в этом мире больше, потому что теперь знает, как пахнет тепло и как звучит принятие.

А главное — он может выбирать, что взять с собой.

Лисёнок стоял посреди хоровода шариков, вглядываясь в их мягкий, мерцающий свет. Сердце сжималось. Всё внутри дрожало от нежности, от страха, от невозможности простого ответа.

— Я не знаю... — прошептал он. — Я хочу остаться... но...

Зефирчик подошёл ближе. Его белая шерстка слегка светилась, а на кончике хвоста таяла искра света.

— Это нормально — не знать, — тихо сказал он. — Тебе не нужно быть готовым. Нужно только быть честным с собой. Здесь ты в безопасности. Но и там ты нужен. Миру, себе... может быть, кому-то другому. Ты можешь вернуться туда другим. Ты уже стал другим.

Лисёнок опустил взгляд. Его лапки зарывались в мягкую пыльцу тропинки. Всё здесь было любовью. А там всё ещё оставалось непонятным.

— Я боюсь, — признался он. — А если я не справлюсь? Если снова станет больно?

Зефирчик обнял его так, как могут обнимать только те, кто не требует ничего взамен.

— Тогда ты вернёшься сюда. Или позовёшь меня. Или просто вспомнишь. Всё, что ты нашёл здесь, уже в тебе. Оно с тобой навсегда.

Они долго стояли в объятии. Над головой медленно проплывали шарики. Некоторые, словно благословляя, мягко касались Лисёнка по макушке светом, теплом, прикосновением.

Он глубоко вздохнул и кивнул.

— Я пойду. Но ты обещаешь... если мне станет совсем тяжело...

— Я буду рядом, — сказал Зефирчик. — Всегда. Даже если ты не сможешь меня увидеть. Даже если забудешь. Я всё равно буду.

Лисёнок стоял, сжав лапки. Шарики кружились вокруг. Некоторые уже начинали улетать, будто подгоняли, звали. Но Зефирчик просто был рядом. Без слов. Не подталкивая, не торопя. Лишь его лапка касалась Лисёнка: тёплая, реальная.

Последний взгляд Лисёнка на дом, на перголу, на дальний, уходящий смех воздушных зверят. И шаг вперёд. Туда, где уже не было тропинки. Только свет.

Выбор был тёплым, как этот свет. Но нелёгким.

Шарики окружили его, подняли, понесли. И в прощальном шорохе был голос Зефирчика:

— Ты справишься, Лисёнок. Ты уже справляешься.

Свет становился всё ярче.

Мир не исчез: он растворялся, будто сахар в тёплом чае. Шарики медленно поднимались в воздух один за другим, становясь светом. Тропинка под лапками превращалась в ветер, розы на перголе — в пушистые облака. Сам воздух звенел тишиной, но в этой тишине слышались все слова, которые Лисёнок когда-либо ждал.

Он чувствовал, как его обнимают. Не лапки, не тело, а сама Зефирная Бесконечность. Она не прощалась, а нежно шептала: «Я всегда в твоём сердце».

А потом вспышка. Мягкая, как солнечный зайчик на закрытых глазах.

И всё стало лёгким, тёплым, словно он сам стал воздухом.

Глава 9. Возвращение Лисёнка

Сначала было ощущение... воздуха. Не как в Зефирной Бесконечности: не зефирного, не сладкого, не пахнущего теплом воспоминаний. Настоящего. Чуть прохладного, с примесью пыли и травы. Он колыхался вокруг, проникая в шерстинки на лапках, лаская щёки и запутываясь в ушках. Лисёнок не мог сказать, спит ли он ещё. Он просто чувствовал, что всё изменилось.

Где-то поблизости шелестела трава, скрипел кузнечик, мимо лениво проплыла тень облака, и Лисёнок вдруг понял: над ним не то ванильное небо, а самое обыкновенное. Голубое, с белыми разводами облаков, с солнцем, которое не рисует лучами мечту, но всё равно греет.

Он открыл глаза. С трудом, как будто веки были подшиты ватой. Мир дрожал, как после слёз. Под ним примятая, чуть влажная трава. Он лежал у самой кромки дороги. Та самая обочина, где когда-то всё кончилось.

Или... началось?

Лисёнок вдохнул. Осторожно, будто боялся, что воздух исчезнет. Но он не исчез. Он наполнил лёгкие живой прохладой, и в этом дыхании было что-то новое или... давно забытое.

Рядом кто-то сидел. Тихо, почти не двигаясь. Маленький силуэт, похожий... похожий на него самого. Другой Лисёнок с немного более тёмной шерстью, коричневой полоской на макушке и тёмным пятнышком у левого края мордочки. Он смотрел на него с

тревожными глазами и в этих глазах отражалось всё: надежда, страх, нежность и долгожданное узнавание.

Он держал Лисёнка за лапку. Осторожно, но крепко, как держат того, кто может исчезнуть в любую секунду.

— Ты... ты правда здесь? — голос дрожал. — Я не знал, вернёшься ли ты...

Лисёнок моргнул. Его глаза были влажными, но не от боли. Он кивнул. Почти незаметно, но вполне достаточно, чтобы другой Лисёнок зарыдал и прижался к нему, уткнувшись носом в его грудь.

Над ними шумели деревья. Где-то далеко проехала машина. Жизнь продолжалась. Не зефирная, не сказочная, но настоящая.

И Лисёнок вдруг почувствовал: внутри всё ещё плывут медленные шары. Не гелиевые, а сердечные. В глубине остался свет, мягкий и тихий. Там остался Зефирчик. Он не исчез, не растворился. Он стал частью его сердца.

И когда будет очень одиноко, Лисёнок знал: он сможет вернуться: закрыть глаза, сделать вдох и снова оказаться в доме с перголой, увитой розами, в облаках из воздушных шаров, в лапках Зефирчика.

Но сейчас он здесь. Он жив. И кто-то рядом держит его лапку. И это уже было чудом.

Он проснулся снова, уже по-настоящему. Всё было немного расплывчатым: свет, звуки, запахи. Но рядом кто-то остался, не исчез.

— Как ты? — голос был знакомым, но новым. Он принадлежал лисёнку, который нашёл его там, у дороги. Тот всё ещё сидел рядом, обеспокоенно глядя в глаза.

— Я... здесь, — прошептал ещё растерянный Лисёнок. — А кто ты?

— Меня зовут Киан. Я так рад! — ответил другой. — Я нашёл тебя случайно. Ты лежал один... Я испугался.

— Спасибо, Киан! — сказал Лисёнок. Ему было сложно говорить, но внутри будто начинало прорастать что-то важное: доверие, тепло, возможность снова быть с кем-то. — А меня зовут Лириан.

Киан осторожно помог ему подняться. Поддержал, когда тот пошатнулся. Вместе они пошли по тропинке, прочь от дороги, туда, где начинался лес. Там всё было ярче, зеленее, словно мир знал, что Лисёнок вернулся.

— Я живу неподалёку, — сказал тот. — Мама очень добрая, она поможет. У нас есть чай с мёдом. И пледы. И книги.

Лириан вдруг улыбнулся, искренне, по-настоящему. Он не знал, кто этот лисёнок, откуда он пришёл. Но рядом с ним было так спокойно, будто он тоже знал про Зефирную Бесконечность.

Они дошли до домика. Он был небольшой и уютный. На веранде сидела лисица — взрослая, с добрыми глазами. Она встала, подбежала, накрыла лисёнка одеялом.

— Всё хорошо, — сказала она. — Тебя уже ищут. Мы позвоним. Тебя очень ждут.

В тот вечер Лисёнок пил чай с мёдом, обняв подушку на диване. А Киан, который его нашёл, сидел рядом. Они молчали. Но это молчание было не пустым. Оно было полным, как ночь над Зефирной Бесконечностью. И где-то в глубине, будто в самом сердце, что-то светилось. Мягко. С любовью. Всегда.

Утро в доме Киана наступило тихо, как будто сам воздух боялся разбудить Лириана. Он проснулся под мягким пледом, чувствуя знакомое зефирное тепло. Но на этот раз оно было другим: не сказочным, не волшебным, а простым, земным. И от этого не менее тёплым.

На кухне пахло овсяным печеньем и чем-то фруктовым, возможно, вареньем. Сквозь приоткрытую дверь доносились тихие голоса. Киан сидел за столом, болтая лапкой в воздухе, и что-то с жаром рассказывал своей маме. Заметив Лириана, он тут же вспыхнул и замолчал, а хвост его радостно затрепетал.

— Доброе утро, — мягко сказала мама Киана. Она была очень светлая, с добрыми глазами и запахом, похожим на яблочные корки. — Мы сегодня отведём тебя домой. Тебя уже давно ищут и ждут.

Лириан кивнул. Внутри у него закололо: ведь возвращаться значило прощаться.

Киан подошёл к нему в прихожей. Он молчал, но глаза говорили всё: о волнении, о радости, о нежелании расставаться. Лириан вдруг, не думая, склонился и тихо поцеловал Киана в щёку. Тот вздрогнул, широко распахнул глаза, потом уставился в пол. Уши стали

ярко-алыми и он заёрзал, как будто не знал, куда себя деть. Но потом, всё же, осмелился посмотреть на Лириана и улыбнулся. Это была самая настоящая улыбка — та, что остаётся в сердце навсегда.

Путь домой прошёл почти в молчании. Мама Киана уверенно шла вперёд, а Лириан тихо ступал рядом. Его лапка всё ещё помнила прикосновение Киана, а сердце ту улыбку.

У дома Лириана уже ждали. Мама выбежала на крыльцо, глаза у неё были полны тревоги, а голос громкий от волнения.

— Где ты был?! Мы обыскались! — закричала она, но тут же крепко обняла сына, спрятав лицо у него на плече. — Главное, что ты жив. Главное...

Лириан лишь кивнул, прижавшись к ней. Он не злился. Он знал — это была любовь, просто грубоватая, испуганная, взрослая.

Когда всё немного утихло, он поднялся в свою комнату. Она была такой же, как всегда: игрушечный подъёмный кран, строительные машинки, любимая подушка. Он сел на кроватку, посмотрел на окно, где солнце играло бликами на стекле, и тихо вздохнул.

Внутри всё ещё звучали отголоски Зефирной Бесконечности, её лёгкость, её тепло, её невидимая музыка. А где-то там, в том далёком, но теперь уже близком мире, остались Зефирчик... и Киан.

И Лисёнок понял: это всё теперь внутри него. И потому уже никуда не исчезнет.

Прошло несколько дней. Лириан снова жил в своём доме, в своей комнате с теми самыми привычными полками, подушками, ночником в форме звезды. Всё казалось прежним. Только он сам уже не был тем Лисёнком, каким был до этого. Что-то в нём стало шире, мягче, глубже.

Иногда он просыпался по ночам, прижимая лапки к груди, как будто всё ещё чувствовал тёплые объятия Зефирчика и лёгкие движения динозаврика в полёте. Он скучал, но не так, как раньше: не с болью, а с нежностью, как скучают по другу, память о котором носят внутри.

В одно такое утро, когда свет падал косо и тихо, Лириан сел на пол и заглянул под кровать. Оттуда он достал старую коробку, давно спрятанную, потрёпанную, с

отклеивающимся уголком. Внутри лежал он — его детский динозаврик. Жёлтый, с фиолетовыми полосками на спине. Когда-то такой огромный и весёлый, теперь он был сдутый, измятый, почти забытый. Но как только Лириан увидел его, в груди что-то дрогнуло. Он вспомнил.

— Это ты... — прошептал он, почти не веря.

Это был тот самый динозаврик. Тот, с кем он играл в одиночестве, когда другие лисята не звали его. Тот, кто участвовал в воображаемых стройках вместе с игрушечным краном. Тот, кого он однажды спрятал под кровать от насмешек и больше не доставал.

А теперь он знал: всё это время динозаврик ждал. Ждал, когда Лисёнок снова будет готов не бояться, не прятаться, принять его обратно и тем самым принять себя.

Он осторожно надувал динозаврика, чувствуя, как тот становится мягким, тёплым, живым под его лапками. Когда фигура снова обрела форму, Лириан обнял её, прижался носиком к боку, вдохнул знакомый лёгкий запах пластика и летнего детства и тихо, очень тихо заплакал. Не от грусти, от нежности, от благодарности, от возвращения.

— Спасибо, что был со мной всё это время, — шепнул он. — Я помню тебя. Теперь навсегда.

Он положил динозаврика на кровать, а сам сел рядом, прижавшись щекой к мягкой, пружинистой поверхности. И вдруг, будто по волшебству, ему стало тепло. Не снаружи, а внутри. Словно все кусочки сердца наконец встали на свои места.

А вечером в дверь постучали. Это был Киан. Он стоял на пороге, немного смущённый, но с той самой улыбкой: тёплой, искренней, чуть неуверенной, но такой живой. В одной лапке он держал небольшой свёрток, а в другой верёвочку, привязанную к большому красному гелиевому шарик. Шарик плавал чуть выше его головы, покачиваясь, будто сам хотел заглянуть внутрь. На его круглой поверхности сияла добродушная мордашка с огромными глазами и широкой, детской улыбкой.

— Привет... — сказал Киан, почесав за ухом. — Я... это тебе. — и протянул верёвочку с шариком.

Лириан застыл, глядя на этот шарик. В нём было что-то... настоящее. Он был простым, но необычным, как будто и правда умел улыбаться. Как будто знал, каково это — быть одному и всё равно не терять тепла.

— Он такой... — Лириан не договорил. Просто взял верёвочку, а потом неожиданно для себя шагнул ближе и обнял Киана. — Спасибо.

Шарик плавно поднялся к потолку, покачиваясь, будто ему хотелось оглядеться. Его добродушная мордашка словно светилась в полумраке комнаты — не от лампы, а изнутри. От какой-то невероятной теплоты, которая жила в его широкой, чуть неловкой, но такой искренней улыбке.

Лириан всё смотрел на него, не в силах оторваться. Этот шарик был как привет из детства, как объятие, которого так не хватало. Что-то в нём будто щёлкнуло внутри, как старый замочек, который долго никто не трогал.

Они сели на подушки на полу. Шарик застыл над ними, тихо шурша ленточкой. В комнате повисла тишина — не неловкая, а почти волшебная. Киан сидел чуть боком, чтобы Лириану не пришлось встречаться с его взглядом, если он не захочет. Он просто был рядом. Тихо и заботливо.

Лириан задумчиво провёл лапкой по ленте от шарика и вдруг почувствовал, что что-то внутри него, до сих пор спрятанное, отзывается.

— Знаешь, — прошептал он, всё ещё не глядя на Киана, — бывает место, которое не совсем место. Оно не на карте, не во сне, оно... внутри. Но такое настоящее, что кажется, если дотронешься, услышишь, как шарик скрипнет под лапкой.

Киан молчал. Только чуть повернул голову в его сторону.

— Оно называется Зефирная Бесконечность.

Лириан говорил тихо, будто боялся спугнуть слова. Он не планировал рассказывать совсем. Это было его тайное сокровище, его укрытие, о котором он думал в самые тёмные вечера. Но сейчас... шарик, Киан, эта мягкая тишина — словно всё сошлось.

И он начал рассказывать. Сначала неуверенно, осторожно. Про остров из шариков, про гнездо, где спал, укутавшись в тепло, про зефирного лисёнка Зефирчика — мягкого, как объятие. Про динозаврика, которого когда-то любил и встретил снова. Про полёты, про дом, про свет.

Он запинался. Иногда замолкал, не зная, поймёт ли Киан. Иногда прятал глаза так, будто на миг становился совсем маленьким. Но всё равно продолжал.

А Киан... не сказал ни слова. Он просто слушал. Ни одного вздоха, ни удивления, ни смешка, только тихое, почти затаённое внимание, как если бы ему доверили птенца, и он боялся сдвинуться, чтобы не испугнуть.

В какой-то момент Лириан всё же посмотрел на него. И увидел, что глаза Киана блестят: он не плакал, просто слушал всем собой. И что-то в этом взгляде было таким родным, таким же воздушным, как сама Зефирная Бесконечность.

— Это... красиво, — сказал Киан, когда Лириан замолчал. — И как будто немного знакомо. Я тоже иногда представлял такие места. Только не знал, что они могут быть по-настоящему.

Лириан посмотрел вниз. А потом, будто само собой, положил свою лапку на лапку Киана.

— А теперь знаешь.

Киан ответил, слегка сжав лапку Лириана, и вдруг весь покраснел от ушей до хвоста. Но не отпрянул, не убежал, только чуть сильнее улыбнулся.

В этот вечер всё стало другим.

Шарик с широкой, доброй мордашкой медленно покачивался над ними, словно сторожил покой. А рядом лежал динозаврик — такой же, как в той самой волшебной мечте. В углу стояла коробка, в которой он ждал долгие годы, но теперь он был снова здесь — надутый, живой, обнимаемый.

А Лириан знал: он не потерял Зефирную Бесконечность. Он поделился ею. И она только выросла, расширилась, стала светлее. Потому что теперь в ней жил ещё один тот, кто понял.

И с этого вечера Лисёнок больше никогда не был один.

Эпилог

Прошло время. Может, день. Может, год. В сказках время течёт иначе.

Иногда Лириан сидел у окна, поджав лапки, и смотрел на небо. На облака, которые больше не казались просто облаками. Иногда просто на шарик, медленно качающийся у потолка, с широкой, доброй мордашкой. А иногда на Киана. Тот лежал на полу, читал книжку и хмыкал в интересных местах, не замечая, как улыбается.

— Ты знаешь, — однажды сказал Лириан, — я иногда возвращаюсь туда.

— Во сне?

— Нет. Просто... когда закрываю глаза. Или когда рядом ты.

Киан не ответил сразу. Только посмотрел и тихо кивнул.

— А я... всё время думаю о том месте. И мечтаю однажды попасть туда с тобой.

Лириан улыбнулся.

— Но ты уже там. Потому что Зефирная Бесконечность — это не остров, не мир из шариков и света, это нечто другое. И оно всегда с нами.

Зефирная Бесконечность — это то, что рождается, когда ты перестаёшь бояться быть собой. Когда кто-то держит тебя за лапку и не отпускает. Когда даже одинокие воспоминания становятся мягкими. И когда в самый тёмный вечер кто-то приносит тебе шарик с улыбающейся мордочкой просто потому, что знал: тебе это нужно.

И тогда внутри распускается остров, а над головой всплывает слово: «Ты не один».

И, может быть, кто-то очень родной нежно улыбнётся тебе в тишине... может Зефирчик, голос которого остался навсегда в сердце:

«И если ты, Лисёнок, когда-нибудь снова почувствуешь грусть или одиночество, просто закрой глаза, вспомни этого динозавра, свою комнату, и меня — твоего Зефирчика. Я всегда буду рядом. Всегда!»